

НАШИ • ТАМ

РОМАН КАЗИМИРСКИЙ
ДЕВЯТЬСОТ
ВОСЕМЬДЕСЯТ
ВОСЬМОЙ

Наши там (Центрполиграф)

Роман Казимирский

Девятьсот восемьдесят восьмой

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Казимирский Р. А.

Девятьсот восемьдесят восьмой / Р. А. Казимирский —
«Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08706-5

Древняя Русь никогда не была специализацией Марсея Ивановича. Но именно в этот период его забросила чья-то злая воля. Славянские волхвы еще представляют собой грозную силу, лихие люди на дорогах творят все, что им вздумается, любая ошибка может стоить жизни. Как уцелеть городскому жителю в таких условиях? Особенно если он как две капли воды похож на посланника греческой церкви, которому предстоит склонить князя Владимира в православную веру.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08706-5

© Казимирский Р. А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Казимирский

Девятьсот восемьдесят восьмой

© Казимирский Р.А., 2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Нечаянная прогулка в прошлое

– Говоришь, иначе будем жить? И что же, князей не будет у нас? А кто управлять станет? Само собой все наладится, что ли? – Мефодий недоверчиво хмыкнул и покосился на остальных: поддержат ли?

Собравшиеся в питейной избе мужики сидели с хмурым видом – судя по всему, им было не до смеха. Даже виночерпий, этот розовощекий здоровяк, молча смотрел перед собой, раздумывая о чем-то. Не дождавшись ответной реакции, Мефодий снова обратился к рассказчику:

– Добре, пусть так. А поклоняться кому будем? Неужто и Рода забудем, и Макошь?

– Эх, знал бы ты...

Сидящий напротив него мужчина икнул и тоскливо огляделся вокруг. Сложно было сказать, что в нем не так. На первый взгляд, мужик мужиком, но он отличался от остальных – то ли выражением лица, то ли осанкой, то ли еще чем-то. Наверное, именно из-за этого к чужаку, когда он только появился в селище, отнеслись настороженно. К тому же вел он себя более чем странно – говорил на каком-то нелепом наречии, задавал неуместные вопросы, да и в остальном проявил себя как юродивый. Поэтому, когда однажды кто-то в шутку назвал его Баламошкой, всем показалось, что это имя как нельзя лучше ему подходит. Так его и стали называть. Вскоре никто уже и не помнил о том, что его на самом деле звали Марселем. Действительно, что за имя такое – Марсель? Будто ругнулся кто-то ненароком. Срамота, а не имя.

Со временем Баламошку полюбили, правда, никто не мог с определенностью сказать, за что и почему. Впрочем, он был совершенно безобидным и даже в чем-то полезным. Знал множество интересных историй и мог трепать языком без устали ночи напролет. К тому же за ним обнаружилась способность давать разумные советы. Например, о борьбе с вредителями, которые до его появления частенько уничтожали значительную часть урожая, или о хворях различных, хотя, когда его спрашивали о том, не знахарь ли он, тот лишь отмахивался: мол, так, кое-что кое-где услышал, вот и запомнил, ничего особенного...

Да много чего непонятного было в этом мужике. Первое время он часто напрашивался в помощники: кому дрова порубить, кому помочь поле вспахать, – но в результате только мешал и путался под ногами. В конце концов его попросили ограничиться советами, которые он мог давать, стоя в сторонке. Посовещавшись, сельчане пришли к выводу, что человек он нужный, так что, если им придется его кормить, от них не убудет.

Правда, у Баламошки обнаружилась одна странность – иногда, выпив настойки, он пускался в совсем уж поганые рассказы о том, что и когда случится. При этом его заплетающийся язык поведывал о настоящих чудесах, от которых волосы на голове не шевелились разве что у плешивого. Мол, пройдет много веков, и людям больше не нужно будет использовать ноги, чтобы передвигаться. Мечтательно закатывая глаза к потолку, он описывал повозки, которые ездят без лошадей, летающие ящики, в которых можно облететь весь мир, и много чего еще. Конечно, взрослые посмеивались, слушая его пьяные разглагольствования, однако они были намного интереснее разговоров о том, у кого корова сдохла или баба понесла, так что со временем подобные посиделки превратились в традицию, и раз в пару недель в местную корчму набивалось все мужское население, чтобы послушать очередную байку. Вот и сейчас, несмотря на то что рассказ подошел к концу, народ и не думал расходиться, хотя Баламошка успел принять свое и уже начинал клевать носом.

– Так что там с богами нашими? – напомнил Мефодий. – Неужто забудем?

– Забыть не забудем, – помотал головой мужичок. – Но будем о них вспоминать, как... Не знаю... Вот ты какие сказки детишкам рассказываешь на ночь?

– Разные. – Мефодий удивился неожиданному вопросу и не сразу нашелся что ответить, но тут же горделиво выпрямился и оглянулся на остальных: – Э, о чем ты? Это бабье дело – детей сказками баловать.

– Да не важно, чье это дело, – отмахнулся Баламошка: – Пусть и бабье. Например, про Змея Горыныча знаешь сказку? Нет? Про каких-нибудь богатырей, м? Вот и всем вашим родам-перунам-сварогам место только в байках и останется. Да, хорошего мало, но что поделаешь?

– Не бывать этому! – вдруг грохнул кулаком по столу один из слушателей.

– Успокойся, Гридя, – замахал на него руками Мефодий. – Не видишь – человек пророчит? Ты не можешь сказать, что завтра в твоей жизни случится, так почему твердишь о том, чего не знаешь?

– А он, получается, знает? – продолжал возмущаться здоровяк. – Зачем нам слушать его?

– Затем, что всем любопытно, – рассудительно заметил сидевший в сторонке мужик с длинной окладистой бородой. – А кому не нравится – дверь всегда открыта. Ты хочешь на свежий воздух, Гридя? Никто тебя не держит.

– Нет, я еще не допил, – проворчал мужик и, замолчав, уставился в свою кружку.

– Вот и ладно, – улыбнулся бородач и кивнул Баламошке: – А ты продолжай, милый человек.

– Да я уже все. – Тот пожал плечами и попытался подняться, но зашатался и снова опустился на место. – Что-то я, кажется, немножко перебрал. Не встать...

– Все, мужики, сказок сегодня больше не будет. – Мефодий подхватил рассказчика, который уже готов был завалиться на бок, и постарался вернуть его в прежнее положение. – Наш пресноплюй, кажется, готов.

Собравшиеся разочарованно завздохали, однако не стали настаивать на продолжении потехи – Баламошка то и дело клевал носом, и было ясно, что от него больше ничего путного не услышишь.

– Доведешь его до хаты? – Мужик, которого здесь, похоже, уважали, поднявшись с лавки, похлопал засыпающего сказочника по спине и вопросительно взглянул на Мефодия.

– Конечно, Михайло, не беспокойся, – отозвался тот со вздохом. – Мне не привыкать. Хорошо еще, что он щуплый. Представляешь, каково было бы его таскать, если бы он был как наш Гридя?

– И то верно...

Подхватив под руки то и дело норовящего соскользнуть на земляной пол Баламошку, мужик вывел его наружу и, шикнув на заворчавшую собачонку, потащил по направлению к небольшой избе с покосившимися стенами. Пыхтя, он с удовольствием отметил про себя, что ночь выдалась лунная и было светло, почти как днем. Пнув калитку ногой, мужчина осуждающе поцокал языком: двор сказочника не производил впечатления ухоженного и мог принадлежать только такому мухоблуду, как его шатающийся спутник. Ограда держалась на честном слове, крыша избы прохудилась. Единственным участком, на который можно было смотреть без содрогания, были несколько грядок – к ним хозяин, похоже, относился с особым вниманием.

– Начнутся дожди – как жить-то будешь? – обратился он к Баламошке, опуская его на сооружение, на котором тот обычно спал.

И все же – странный он человек, подумал Мефодий, рассматривая скрепленные между собой лавки. Места ему, что ли, мало? Был бы он крупным, а то ведь тонкий, как тростинка, за косой спрятаться при желании сможет. Неодобрительно покачав головой, мужчина еще раз взглянул на бедное убранство помещения и вышел...

* * *

Как только за ним закрылась дверь, Баламошка открыл глаза и недовольно поморщился. Зря он так много пил, последняя порция явно была лишней. Наговорил всякого. Дурак, что тут скажешь. Или как они здесь говорят? Дуботолк? Это о нем. Чувствуя, что его начинает мутить, мужчина сел на кровати и сделал несколько глубоких вдохов. Однако это не помогло, и уже в следующее мгновение он бросился к ведру, стоявшему в углу помещения. Порционно отдавая ему съеденное и выпитое за вечер, он в очередной раз пообещал себе больше никогда не прикладываться к этой коварной медовухе, будь она неладна. Пусть вон Курьян ее хлебает, раз ему так нравится. И как получалось у здешних мужиков пить, как не в себя, и при этом оставаться на своих двоих? Загадка природы...

Откинувшись наконец от ведра, он на четвереньках дополз да постели и с трудом на нее вскарабкался. Упав на спину, некоторое время старался унять колотящееся сердце и, наконец, пришел к выводу, что глаза пока лучше не закрывать. Сосредоточившись на квадрате окна, попытался собраться с мыслями...

Марсель Иванович Лавров, доцент исторических наук, декан одноименного факультета одного из киевских вузов. Тридцать девять лет, не женат. Большой человек, одним словом.

– Был, – пробормотал он вслух. – Был да сплыл. Тю-тю.

Все происходящее вокруг него давно перестало казаться кошмарным сном – напротив, теперь он был абсолютно уверен в том, что не спит. Хотя первые несколько дней ему казалось, что в его мозгу что-то перегорело. И ведь ничего не предвещало такого поворота. Все было как всегда: лекции, административная дребедень, чай с коллегами, куча бумажной работы, которой он намеревался заняться дома. Зашел в магазин, улыбнулся знакомой продавщице, даже отпустил какую-то новую шутку, услышанную от студентов. И вот – он уже непонятно где и когда. Сначала подумал, что его хватил удар. Иначе как можно было объяснить, что вместо продуктовых полок перед ним вдруг оказались заросли дикой ежевики, которая моментально оставила целую тьму зацепок на его новеньком и довольно дорогом костюме?

Он прекрасно помнил ощущение беспомощности, близкое к панике, охватившее его тогда. Единственное, что сдержало, была надежда, что «скорая помощь», которую, скорее всего, уже вызвала продавщица, приедет вовремя. В противном случае ему предстояло выяснить на собственном опыте, что на самом деле стало причиной галлюцинации – простой обморок, вызванный переутомлением, или предсмертная агония. Второй вариант ему абсолютно не нравился.

Знания Марселя Ивановича о медицине всегда были очень поверхностными, так что, продираясь сквозь колючий кустарник, он искренне верил, что очень скоро все это кончится. Тем не менее его еще тогда удивила реальность видения – шипы оставляли на коже весьма болезненные царапины, а изорванная одежда выглядела по-настоящему испорченной. Общую картину дополнила самая настоящая пчела, которая, недолго думая, ужалила его в щеку, отчего половина лица вспухла, а глаз заплыл.

Морщась от боли, Марсель подумал о том, что слишком натурально он как-то галлюцинирует. И уже в следующий момент, выбравшись наконец из зарослей и сделав всего несколько шагов, застыл на месте от удивления. Рядом с ним протекала река – он отчетливо видел ее очертания, а неподалеку от нее виднелись какие-то строения. Несмотря на то что в такой ситуации любой на его месте постарался бы поскорее оказаться ближе к людям, независимо от степени их реальности, ему почему-то не хотелось обнародовать свое присутствие. Что-то было не так. Совсем не так...

Историк неплохо разбирался в географии – можно сказать, это было его хобби. Поэтому он мог бы поклясться, что все еще находится в родных краях. Река была похожа на Днепр,

однако линия берега немного отличалась от той, к которой он привык. Было в ней что-то чужое и незнакомое. Село, привлечшее его внимание, также выглядело подозрительным. В первый момент Марсель Иванович не понял, что его так смутило во всем этом, казалось бы, идиллическом пейзаже, и только спустя некоторое время до него дошло: вокруг, насколько хватало взгляда, не было видно ни одного электрического столба. Для сельской местности, в которой он, понятное дело, оказался, это было совершенно невероятно.

Ошалело озираясь, Марсель не обнаружил ни намека на современную цивилизацию. Вспомнив о мобильном телефоне, он выхватил его из кармана со скоростью, которой мог бы позавидовать сам Клинт Иствуд, но уже спустя несколько секунд с раздражением засунул его обратно: устройство показывало отсутствие сети. Поколебавшись некоторое время, историк все же решил, что глупо вот так топтаться на месте, и медленно двинулся по направлению к населенному пункту, где надеялся найти помощь. Он уже не знал, что и думать. С одной стороны, Марсель не мог не заметить, что все детали были слишком четкими для глюка. С другой – это просто не могло происходить на самом деле. Почему? Просто потому, что так не бывает. Но он был деятельным человеком, так что решил пока не думать о причинах, по которым его мозг решил так соригинальничать, а просто выяснить опытным путем, насколько красочным может быть его воображение.

К его счастью, стояла достаточно теплая и солнечная погода, иначе он и представить себе не мог, как бы пробрался в рабочих туфлях по поразительно бездорожью, которое здесь наблюдалось повсеместно. Создавалось впечатление, будто местные веси вообще не знали такого явления, как автомобиль.

– Научный прогресс, ага, конечно, держи карман шире, – бормотал Марсель, с сожалением глядя на свою обувь, которая уже покрылась пылью и ошметками грязи. – Кому нужны ваши нанотехнологии, если вы до сих пор не научились дороги строить, а? Шуты гороховые.

Наконец, достигнув окраины села, он увидел поразительно чумазую девочку лет пяти, которая, открыв рот от удивления, глазела на него, стоя у деревянных ворот, весьма оригинально расписанных каким-то умельцем.

– Привет! – помахал ей рукой доцент. – Родители дома? Мне бы...

Не дослушав, девочка так стремительно бросилась в дом, что, если бы ворота были закрыты, она, наверное, сшибла бы их. Проводив ее удивленным взглядом, Марсель оглядел себя и был вынужден признать, что вид не внушал особого доверия. Заляпанные туфли, подвернутые до колен штанины, из-под которых виднелись желтые носки – его способ молчаливого протеста против глобализации, дебилизации и много чего еще. Картину дополнял пиджак, пришедший в негодность. Если прибавить к этому перекосившуюся от пчелиного укуса физиономию, то реакцию ребенка вполне можно было понять. Вздохнув, Марсель пожал плечами и решил, что не надо стесняться не самой презентабельной внешности, особенно если ее причиной послужило случайное стечение обстоятельств. Подумав, что не стоит пугать ребенка, пусть даже воображаемого, он подошел к соседней избе и, не найдя ни намека на дверной звонок, несколько раз громко постучал в ворота.

– Кто? – тут же раздался заспанный мужской голос, и историк услышал, как за забором скрипнула дверь.

– Добрый день! – громко и внятно проговорил он. – Извините за беспокойство, но я немного заблудился, а мобильник почему-то сеть не ловит. Мне бы позвонить...

Ворота открылись, и Марсель осекся, непроизвольно попятившись. Над ним нависал внушительных размеров детина, выражение лица которого не предвещало ничего хорошего. На нем были лишь холщовые штаны, подвязанные поясом. Мощная грудь говорила о недюжинной силе ее хозяина, и историк неожиданно заробел, вспомнив о собственных скромных габаритах.

– Простите, – пискнул доцент. – Я разбудил вас?

– Не беда, – отозвался здоровяк, позевывая. – Давно пора вставать. А ты, я вижу, тоже вчера знатно погулял у Антипа-то?

– Что? – не понял Марсель.

Вместо ответа, его собеседник показал на свое лицо, и Марсель, вспомнив о неудачной встрече с пчелой, рассмеялся:

– Ах, это... Нет, это укус. У меня аллергия, знаете, на всяких насекомых.

– Хм. – Здоровяк как-то странно посмотрел на него и поднял брови. – Добре. Так чего хотел-то?

– Позвонить, говорю, надо. – Историк достал из кармана мобильник и помахал им в воздухе. – Сети нет, нужен стационарный аппарат.

Глядя на то, как хозяин дома смотрит на него с совершенно обалдевшим видом, Марсель уже пожалел о том, что вообще обратился к нему. Судя по всему, цивилизация не только обошла стороной этот забытый богом уголок Вселенной, но и вообще решила не заглядывать сюда.

– Сеть... где-то у меня была, – наконец промямлил здоровяк. – А звонят у нас в било, когда есть такая необходимость. Зачем тебе? Или случилось что? Странный ты какой-то. Немец, что ли?

– Почему немец? – удивился историк. – Местный я.

– Ну, говоришь как-то не по-нашему. Точно не иноземец?

– Говорю же: нет. Просто заблудился.

– Тогда точно немец. У нас здесь свои никогда не потеряются. Так откуда ты, мил человек?

Не зная, что ответить на этот вопрос, доцент только растерянно развел руками. Несмотря на то что хозяин дома, казалось, был настроен вполне дружелюбно, историк никак не мог понять, как ему следовало вести себя с ним. Может быть, стоило прикинуться дурачком, чтобы хотя бы соответствовать ожиданиям собеседника? Тогда ему, возможно, с большей готовностью помогут. Решив, что это лучше, чем и дальше пытаться донести свою мысль до непонятливого мужика, Марсель дурашливо улыбнулся и кивнул в сторону села:

– А где там управляющий живет? Мне бы поговорить с ним.

– Староста-то? В большой избе, на воротах трезубец намалеван для пущей важности. Только ты его сейчас лучше не беспокой, осерчать может.

– Отчего же?

– Так я же говорю: накануне Антипу баба сына родила, так мы всем селищем гуляли. А в таких делах, сам знаешь, всякое может случиться.

– И что случилось?

– Да я нос ему расквасил. У него сейчас, думаю, рожа покраснеет твоей будет. Хотя...

Нерешительно почесав подбородок, покрытый густой растительностью, мужик подумал несколько секунд, а потом кивнул:

– Да, ты прав, негоже человека похмельем мучить, да еще и в оскорбленных чувствах его оставлять. С тобой пойду. Обожди.

Скрывшись в доме, здоровяк появился снова спустя всего пару минут, но теперь на нем уже была широкая рубаха из натуральной ткани, а в руках – глиняный кувшин с какой-то жидкостью. Держа ношу перед собой, чтобы не расплескать, мужик весело кивнул Марселю:

– Курьяном меня зовут. Можешь и ты так звать, если хочешь.

– Да, конечно, приятно познакомиться, – отозвался историк и, отвечая на вопросительный взгляд собеседника, продолжил: – А меня зовут Марсель.

Почему-то собственное имя показалось ему странным, и он смутился. Марсель всегда был благодарен родителям за то, что те не назвали его, допустим, Борисом или Василием, однако сейчас он почти пожалел об этом – во всяком случае, на Курьяна имя произвело стран-

ное впечатление. С довольным видом расхохотавшись, он перехватил кувшин одной рукой, а другой хлопнул щуплого спутника по плечу с такой силой, что едва не сшиб того с ног:

– А говорил, что не немец! Но ничего, это правильно. Раз приехал сюда, то и старайся быть как все. Вот увидишь: пройдет время – появится у тебя новое имя, как у добрых людей...

* * *

...Сейчас, вспоминая о том разговоре, историк пьяно усмехнулся: кто бы мог подумать, что эти слова окажутся пророческими? Он действительно получил новое имя в рекордно короткие сроки, однако предпочел бы, чтобы его назвали как-то иначе. Имя Баламошка означало «дурачок», и жить с таким эпитетом ему, человеку с ученой степенью, было крайне неуютно. Впрочем, каждая ситуация требует индивидуального подхода, напомнил он себе. Кому он здесь нужен со своими дипломами? Он уже успел установить точные место и время, в которых оказался. И если первое время Марсель-Баламошка еще надеялся, что вот-вот очнется в больничной палате под капельницами, то вскоре понял, что это, как минимум, надолго. Почувствовав очередной приступ тошноты, он снова подполз к ведру и, стараясь как-то отвлечься от происходящего, мысленно вернулся в тот день, когда все началось...

* * *

...Курьян, несмотря на пугающую внешность, оказался довольно дружелюбным парнем, которому было всего-то двадцать два года от роду. Выходит, он вполне мог оказаться в числе его студентов. С уважением глядя на выдающуюся фигуру спутника, Марсель подумал, что тому следовало бы податься в профессиональный спорт – в метатели ядра, например, или диска. С такой комплекцией он смог бы добиться больших успехов. Так или иначе, но ни о каком высшем образовании и речи идти не могло – очень быстро выяснилось, что у Курьяна был настолько ограниченный кругозор, что историк только диву давался. Тем не менее, вспомнив о ситуации, в которой оказался, он постарался пока не демонстрировать собственного превосходства. Кроме того, он все больше убеждался, что происходящее не могло быть плодом его фантазии. А картина, которую доцент наблюдал вокруг, пугала его своей дикой красотой. Наверное, он уже тогда понял, что произошло, но всячески гнал от себя эти мысли.

– Так, говоришь, староста может быть не в духе? – обратился он к спутнику, чтобы как-то поддержать разговор.

– Угу. Забавный ты, – отозвался Курьян, не сбавляя шага. – Я не понял, о чем ты толковал мне там, у ворот, но Михайло, думаю, быстро разберется, что к чему.

– Михайло – это кто?

– Да староста наш.

– Понятно. Скажи, а что за место такое? Никогда не был здесь.

– Ого! – Здоровяк остановился и многозначительно поднял палец. – Наше селище на всю округу славится, нельзя его не знать. Триполье! Запомни.

– Кхм. – Марсель поперхнулся от неожиданности. – Ты уверен? То есть я прекрасно знаю Триполье, у меня здесь отец родился.

– Нельзя, друг, столько пить, – сочувственно покачал головой Курьян. – Знаешь, как у нас говорят: наливай, да меру знай.

– Да я... – Историк хотел было возразить, что к алкоголю совсем равнодушен, но вовремя сообразил, что для собеседника это, пожалуй, было единственным разумным объяснением его амнезии – во всяком случае, другого у него не было. – Пожалуй. Скажи-ка, друг, ты в Киеве бываешь?

– Случается.

Марсель успел уже обрадоваться такому ответу, но в следующий момент с трудом сдержался, чтобы не выругаться, услышав уточнение:

– Если на рассвете выйдешь, то к вечеру можешь и добраться. Путь-то неблизкий, верст пятьдесят будет. Но это ничего, если очень нужно, найдем тебе попутчика.

– Благодарствую, – пробормотал историк, решив, что пока не стоит вдаваться в подробности. – Буду очень признателен.

– И все же, откуда ты такой взялся? – Курьян с улыбкой взглянул на спутника. – Говоришь странно, одет не по-нашему. А что за торба такая? Заморская, м? Я таких здесь не встречал.

Марсель только сейчас сообразил, что все это время машинально сжимал в руках дипломат. Подумав, что он с ним напоминал какого-то сельского чиновника, просто кивнул:

– Да уж... То есть – да, заморская торба. Мне ее издалека привезли. В подарок.

Отчасти это даже было правдой – дорогую вещь ему подарили студенты-выпускники. Конечно, не следовало ее принимать, но слишком уж ему понравилось качество – добротный дипломат уже служил ему верой и правдой четыре года и мог прослужить еще столько же.

– Я так и подумал. Знатная вещица, видно, что немалых денег стоит. Ну, вот, мы и пришли.

Оказавшись перед домом старосты, Марсель огляделся вокруг и почувствовал, что его начинает колотить нервная дрожь. Древняя Русь никогда не была его специализацией, однако кое-какое представление об этом периоде он имел и теперь пытался уместить в своей голове тот факт, что действительность, в которой он вдруг оказался, чертовски сильно напоминала быт тех росов или русов, о которых он столько читал. Стоя во дворе, доцент то и дело поглядывал на местных жителей, которых он, похоже, заинтересовал не меньше, чем они его. Мужчины – все, как на подбор, бородатые – были одеты в просторные рубахи светлых тонов и штаны, а женщины – в более длинные аналоги тех же самых рубах, которые отличались разве что вышивкой. Залюбовавшись одной из молодых девушек, которая, явно стесняясь, то и дело поглядывала на него с любопытством, Марсель вдруг вспомнил картинку, которую долго и с удовольствием рассматривал в одной из книг, когда готовил доклад по костюмам славян. Сходство было поразительным, и, как ни старался он отогнать от себя мысли, казавшиеся предвестниками сумасшествия, у него ничего не получалось. Нет-нет, всему должно быть разумное объяснение. Пусть это будет insult, или ассистентка Сима, которой он на днях устроил выволочку, подсыпала ему какой-нибудь дряни в кофе – что угодно, только не то, о чем он думал.

А ведь сколько раз историк представлял себе, что было бы, окажись он в прошлом. Если бы его студенты узнали, каким героем он видел себя в фантазиях, то подняли бы преподавателя на смех. Откуда им знать, что человек научного склада ума никогда не перестает мечтать, несмотря на возраст или социальный статус? И вот, когда это наконец произошло, Марсель вдруг испугался, как мальчишка. Впрочем, стоит признать, на то были веские основания. Даже если предположить, что все это происходило с ним наяву, что мог он, во всех отношениях современный человек, предложить тем, кто по умолчанию должны быть менее развитыми и продвинутыми? Все его знания не имели здесь никакого практического применения и потому яйца выеденного не стоили. И почему он не выучился на медика? Или на химика, на худой конец? К ручному труду он не приучен, военным делом не владеет, да что там – он и с девкой-то справиться вряд ли сможет. Историк попытался вспомнить хоть что-нибудь, что могло помочь ему выжить в этой враждебной действительности, и не смог. Разве что огородничать он научился неплохо в девяностых, помогая матери на даче... Нет, у него не было ни единого шанса.

– А, сам пришел. Хвалю.

Марсель так увлекся планированием собственных похорон, что не заметил, как на пороге избы появился человек, поразительно похожий на его коллегу с соседнего факультета. У того была такая же окладистая борода и косматые брови, он так же сутулился и смотрел на гостей

исподлобья. Разве что новый персонаж не носил очков, к тому же под левым глазом у него красовался внушительный синяк, но в остальном сходство было поразительным.

– Ты не серчай на меня, Михайло, – добродушно протянул Курьян. – У меня и в мыслях не было с тобой драться, бес попутал.

– Ладно уж – бес его попутал, – вдруг рассмеялся староста, расставляя руки в стороны. – Это я тебя попутал, так и говори. Мне уже рассказали, что я вчера на радостях перебрал немножко. Так что это мне извиняться нужно. Прости ты меня, друг любезный.

Увидев, что мужики обнялись, толпа, которая все это время внимательно наблюдала за ними, одобрительно зашумела.

– Молодец, Михайло! – выкрикнул кто-то, и староста, важно помахав собравшимся рукой, обратился к гостям:

– Что же это мы на пороге топчемся? Входите.

Удивившись тому, с какой легкостью хозяин пустил в дом совершенно незнакомого ему человека, Марсель тем не менее послушно шагнул внутрь. Его воображение всегда рисовало интерьер русской избы как достаточно темное помещение, в котором помимо печи и лавки был разве что стол. Вероятно, причиной этого был избыток кинематографа и недостаток сказок Пушкина в детстве. Так или иначе, но он был сильно удивлен, оказавшись в светлой просторной горнице. Вопреки его ожиданиям, пол в избе был не земляным, а деревянным, и это его немало удивило, ведь, судя по его знаниям, подобную роскошь древние селяне стали позволять себе гораздо позже, да и то не всегда. Подняв глаза, Марсель понял причину такой, как ему показалось, доверчивости по отношению к незнакомцу – изба была полным-полна мужиков, которые, рассевшись, где кому удобно, с любопытством рассматривали новоприбывших. Даже если бы у гостей было что-то недоброе на уме, они вряд ли бы решились на какие-либо активные действия.

– Да ты, я вижу, не с пустыми руками к нам пожаловал. – Староста заглянул в кувшин и хитро сощурился. – И ты прав, как ни крути. Мы тут все посоветовались и решили, что Антип слишком долго ждал сына, чтобы вот так быстро все закончить. Так что ты вовремя.

Спрятавшись за спины Курьяна и Михайло, историк постарался по возможности не привлекать к себе внимания, пока не разберется во всем. Однако его недавний спутник не позволил от молчаться и, поздоровавшись со всеми, кивком указал на Марселя:

– Посмотри, какое чудо-юдо я тебе привел. Говорит, что заблудился. В Киев вроде как человеку нужно.

– Как звать тебя, друг? – обратился к нему Михайло, смерив гостя внимательным взглядом.

– Марсель, – опять смутился доцент.

– Как? Хотя можешь не повторять, я такого мудреного имени все равно не запомню, особенно сейчас. Да и ни к чему это. Говоришь, в Киев идешь? Зачем? Если скоморошничать намерен, то сразу можешь забыть об этом – там таких достаточно.

– Скоморошничать?! – возмутился историк, сразу забыв о своем намерении не высываться. – С чего это ты взял? Нет, у меня там дела.

– У тебя? – Михайло с сомнением посмотрел на гостя, словно старался заново оценить его. – И какие же? Ай, да что это я? Дела – так дела. Завтра утром наш Антип туда поедет, если сумеет проспаться к тому времени, с ним и отправишься. Верно я говорю, Антип? Очухаешься до утра?

Из-за спин сидящих на лавке мужиков послышалось какое-то ворчание, и Марселю явилась совершенно пьяная физиономия виновника торжества. Промычав что-то невразумительное и так и не сумев ничего выговорить, он просто кивнул и вернулся в исходное горизонтальное положение.

– Вот видишь: он согласен, – расхохотался хозяин избы. – А пока, любезный Пар... Парсек?

– Марсель, – поправил его историк.

– Да, пожалуй к столу. У нас хоть и не княжеские хоромы, но найдется и выпить, и закусь.

Несмотря на нервное потрясение, историку не хотелось решать проблемы с помощью алкоголя, но, боясь оскорбить старосту отказом, поблагодарил его и сел на свободное место. На столе действительно было достаточно всякой еды, правда, о происхождении и составе большинства блюд Марсель не имел ни малейшего представления.

– Что ж, выпьем за нашего гостя! – Михайло наполнил неизвестно откуда появившуюся перед доцентом кружку какой-то мутной жидкостью и выжидающе на него посмотрел.

С сомнением покосившись на Курьяна, который лишь ободряюще кивнул в ответ, Марсель обреченно вздохнул и осторожно сделал небольшой глоток. Напиток неожиданно понравился ему – он чем-то напомнил пиво, во всяком случае, явно ощущался привкус хмеля, но при этом был в меру сладким и слегка газированным. Заметив, с каким наслаждением гость смакует угощение, хозяин рассмеялся:

– Наша медовуха на всю округу славится! Нигде такую готовить не умеют, только у нас.

– Очень вкусно! – похвалил историк, неожиданно для себя осушая кружку до дна – оказалось, что он очень хотел пить.

– Ого! – загоготали мужики. – Силен, брат!

Марселю была непонятна их реакция. Судя по всему, напиток был слабоалкогольным – во всяком случае, он не почувствовал в нем высокого градуса. Заглянув в посуду соседей, он увидел, что все пили то же самое, и удивился: это сколько ж нужно было выпить Антипу, что вот так, в дрова, наклюкаться? Ведра два, не меньше, мысленно прикинул он. Из книг доценту было известно о том, что на Руси долгое время не было ни винного производства, ни самогонарения. Люди потребляли пиво, квас и – медовуху. Что ж, ему повезло отведать настоящий аутентичный напиток, приготовленный по старинному рецепту. Отпивая из второй по счету кружки, Марсель пообещал себе попытаться приготовить что-нибудь похожее, когда вернется домой. Если вернется, тут же поправил он себя.

– Так что, говоришь, ждут тебя в Киеве? – Староста подсел ближе к историку, долив ему медовухи.

– Ну, не то чтобы ждут, – отозвался Марсель. – Но мне хочется в это верить.

– Странные ты вещи говоришь, – удивился Михайло. – Тебя там или ждут, или не ждут. Соглядатаев в Киеве не любят, сам небось знаешь. Придешься не ко двору – погонят тебя оттуда поганой метлой. Так что ты уж определись, друг.

– Не могу. – Мужчина развел руками в стороны. – У меня, видишь ли, сложная ситуация.

– Сложная ситуация – это когда твоя баба рождает арапчонка, а все остальное – это так, мелочи жизни. Рассказывай, что у тебя случилось. Ясно ведь, что ты нездешний. Одет, как пугало огородное, говоришь не так, как мы. Курьян вот мне шепнул, что ты ему про какую-то сеть твердил и звонить зачем-то собирался, будто пожар случился.

– Он просто меня не понял.

Марсель вдруг осекся. Нормальный древний славянин ни при каком раскладе не поверил бы в его рассказ. Значит, придется врать. Ох как историк не любил это дело – его профессия подразумевала такое количество лжи, что он часто сам путался в том, что было выдумкой, а что – правдой. С другой стороны, у него просто не было выбора. К тому же он уже не был уверен, что ему так уж нужно ехать в Киев. Если допустить, что он действительно каким-то непостижимым образом попал в прошлое, то имело смысл оставаться как можно ближе к тому месту, где все произошло. Марсель слабо разбирался в научной фантастике, но предполагал, что где-то должен был находиться некий портал, который, как он надеялся, работал не только

в одну сторону, но и в другую. Учитывая все это, доцент решил схитрить и попытаться напроситься в гости.

– Я, наверное, головой ударился, – пожаловался он, осторожно прикоснувшись к затылку и поморщившись, словно от боли. – Вообще ничего не помню. Кто я, откуда и зачем. Словно кто-то выключил свет.

– Чего?

– Свечу задул, – поправился мужчина. – То, что было до сегодняшнего дня, окутано туманом.

– Беда, – сочувствующе поцокал языком Михайло, доливая Марселью медовухи. – Ты поэтому в Киев собрался?

– Да, – кивнул историк, с удивлением отмечая про себя, что медовуха, несмотря на отсутствие градуса, с неожиданной силой ударила ему в голову. Теперь ему не казалось странным состояние Антипа – выпив сравнительно немного, он уже чувствовал, что язык начинает заплетаться.

– А если там никто тебя не признает? – обратился к нему Курьян, который все это время с интересом прислушивался к беседе.

– Тогда... Не знаю.

– Вот что, – ударил кулаком по столу староста. – Никуда тебе ехать не надо. В Киеве тьмы три народу, так что ты там просто сгинешь. А к князю тебя в таком виде, ясно дело, не пустят – больно ты на шлынду похож, там таких не терпят.

– На кого? – не понял Марсель.

– На бездельника. Ты уж не обижайся, но что это ты на себя нацепил?

– Ну, что есть, – пожал плечами историк, подумав, что, раз уж разговор пошел в этом направлении, то не стоило отрицать очевидного факта – для местных он выглядел более чем странно.

– А на ногах что это у тебя? – Михайло опустил взгляд под стол и озадаченно нахмурился. – Нет, обувка, конечно, добротная. Но в такой особо не побегаешь. Странные башмаки, ничего не скажешь.

– Что это ты, Михайло, гостя все стыдишь? – осуждающе покачал головой Курьян. – Это не так, то не эдак. Взял бы да одел его по-человечески, небось не обеднеешь.

– А что? – Староста поднял брови, словно удивляясь, как это ему самому не пришла такая мысль в голову. – И одену.

– Нет, что ты, – замахал руками Марсель. – Я никого не хочу беспокоить.

– Молчи, дурак. – Курьян пнул его под столом. – Знаешь поговорку? Дают – бери, бьют – беги. Сейчас тебе дают, причем по доброй воле, хоть и на пьяную голову.

Тем временем хозяин поднялся из-за стола, поставил перед собой историка и принялся рассматривать.

– Что ж, найдем что-нибудь, – наконец проговорил староста. – Мелковат только ты, дружок, но ничего, мало – не много, нарастет.

Услышав, как вокруг него загоготали мужики, Марсель смущенно заулыбался, дав еще один повод для всеобщего веселья.

– Ты посмотри, как застеснялся, – покатывались со смеху гости. – Пряма девка на выданье. А может, ты того... Не про баб, может, а?

– Кто? – не понял сначала историк, а когда до него дошел смысл услышанного, резко выпрямился и искренне возмутился. – Я?! Да никогда!

– Не слушай этих зубоскалов. – Михайло хлопнул покрасневшего Марселя по плечу. – Вижу, что ты правильный мужик. Пошли, подыщем для тебя рубаху и порты. Может быть, и поршни подходящие найдутся.

Уже спустя несколько минут историк очень пожалел о том, что рядом не было зеркала, – скорее всего, он выглядел потрясающе. Правда, одежда была ему немного великовата, но вопрос со слишком широкими штанами легко решился с помощью шнурка – гашника, как его назвал хозяин.

– Ну, вот. – Михайло окинул взглядом гостя и остался доволен. – Теперь и ты стал похож на человека.

– Даже не знаю, как благодарить тебя. – Марсель с интересом разглядывал изящную вышивку на своей рубахе.

– Забудь, – отмахнулся староста. – Вернемся к столу.

Появление обновленного Марселя вызвало одобрительный гул. Каждый из присутствующих счел своим долгом подняться и одобрительно похлопать его по спине, причем некоторые делали это так усердно, что после нескольких таких дружеских шлепков историк с трудом удержался на ногах.

– Все, оставьте человека в покое, – прикрикнул на гостей Курьян, заметив, что его протеже того и гляди полетит вверх тормашками, и отступил на пару шагов, разглядывая его новый наряд. – Красота!

Чувствуя головокружение, Марсель с трудом добрался до своего места и почти упал на лавку. Увидев, что Михайло снова наполняет его кружку, он попытался протестовать:

– Мне хватит! Я и так уже плохо соображаю.

– У нас не принято отказываться, когда наливают, – внушительно произнес Курьян. – Во-первых, мы всегда это делаем от чистого сердца. И во-вторых, случается это так редко, что глупо не воспользоваться.

– Так уж и редко? – Доцент сделал слишком большой глоток и икнул.

– Да уж не часто. Сейчас самый сезон заниматься посевными работами – снегогон выдался в этом году на диво теплый, так что, сам понимаешь, дел у нас достаточно. И лишние руки не помешали бы, кстати.

Несмотря на все усиливающийся шум в голове, Марсель понял, что речь шла о нем. Перспектива присоединиться к этим милым людям неожиданно показалась ему не такой уж и дурной идеей, и историк с трудом сдержался, чтобы тут же не дать согласие. Однако ему удалось вовремя взять себя в руки, и он попытался собраться с мыслями. Хоть и не сразу, но ему все же удалось это сделать. На самом деле, какой из него, к примеру, землепашец? К тому же доцент никогда не интересовался, что, собственно, выращивали древние славяне, и теперь сильно жалел об этом. Тем не менее решил уточнить:

– И что, много чего выращиваете?

– А как иначе? – вмешался в разговор староста. – У нас с этим строго. Что земля даст, то и съешь. Все при деле. А отдохнуть и зимой успеем.

– Это понятно. – Марсель кивнул и тут же пожалел об этом – помещение заплясало перед глазами, и пришлось зажмуриться, чтобы унять этот дикий танец. Наконец ему удалось это сделать, и он спросил: – И что же земля дает?

– А все, что можно. – Михайло принялся перечислять: – Пшеница, рожь, овес, гречиха. У нас знаешь какие поля? Любо-дорого посмотреть. Ну а если ты огородничать любишь, то тут тебе раздолье: хоть репу выращивай, хоть лук, а хочешь – так и огурцы с капустой. У нас это дело любят зимой – за уши не оттащишь.

– Ясно.

Если о зерновых культурах Марсель имел смутное представление, то огурцы у него всегда росли как на дрожжах, равно как и капуста. А что? Может быть, действительно устроиться здесь? Черт с ним, с университетом. Там его никто не ждет, кроме студентов, от которых уже тошнит. Семьи у него нет, даже собаку так и не решился завести. Если он вдруг исчезнет, этого никто и не заметит. Хотя что значит «вдруг»? Он уже исчез, напомнил себе историк. Инте-

ресно, когда его хватятся? Да и хватятся ли? Ни семьи, ни друзей... Сиротинушка! Ученому вдруг стало так жаль самого себя, что он с трудом сдержал слезы.

– Ты подумай, – тем временем продолжал староста, подливая собеседнику медовуху. – Отказаться всегда успеешь.

В общем, как-то так само собой получилось, что Марсель остался. Без каких-либо взаимных обязательств или планов на будущее...

* * *

Проснувшись на следующее утро в незнакомом помещении, историк некоторое время пытался сообразить, где находится. Поморщившись от головной боли, которая, несмотря на чистоту и высокое качество напитка, все же давала о себе знать, он с трудом поднялся на ноги и попытался разглядеть место, в котором провел эту ночь. Зрелище было не то чтобы плачевным, но и не особо радостным. Доцент находился в старой избе, добротной, но довольно скудно обставленной. Вместо кровати в углу комнаты стояла лавка, которая, судя по всему, заменяла кровать. Подойдя к двери, он осторожно приоткрыл ее и выглянул наружу. Двор оказался под стать избе – заросший травой и крайне запущенный. У дома имелась пристройка, выполнявшая роль то ли сарая, то ли амбара. Печальную картину дополняли покосившийся забор и пустая собачья будка.

– Что, не нравится? – Марсель обернулся на голос и увидел Курьяна, который стоял возле калитки и наблюдал за ним с насмешливым видом. – Не переживай, со временем подберем тебе что-нибудь получше, если сумеешь прижиться.

– Получше? – Марсель мотнул головой, пытаясь разогнать мусть перед глазами, мешавшую ему сфокусировать взгляд на собеседнике. – Как я здесь очутился?

– Не помнишь? – удивился здоровяк. – А ты, брат, здоров пить! А ведь говорил, что не любишь это дело.

– Не люблю. Вчера это случайно вышло.

– Раз так говоришь, не стану с тобой препираться, – согласился Курьян. – Если в двух словах, то вы вчера с Михайло договорились о том, что ты никуда не едешь, а остаешься здесь. Не передумал еще?

– Нет, наверное. – Марсель наконец вышел на крыльцо, но тут же опустился на деревянные ступени. – Да ты заходи, не чужие люди вроде бы уже.

– И то правда, – улыбнулся гость и, скрипнув калиткой, ввалился во двор, причем оказалось, что в руках он опять держал уже знакомый историку кувшин.

– Медовуха? – обрадовался доцент, который чувствовал острую потребность снять головную боль.

– Она самая, – улыбнулся Курьян. – Ты не подумай, у нас это на самом деле не в почете, но раз уж такое дело... Сегодня все приходят в себя, а завтра уже ни-ни. Так что поправляйся на здоровье.

– А ты что же? – Марсель нерешительно принял протянутое ему лекарство.

– Я уже. – Мужик похлопал себя по животу и огляделся. – Если чуток руками поработать, то здесь можно быстро порядок навести. Изба-то добротная, только давно пустует. А без хозяина, сам знаешь, любое жилище быстро в негодность приходит.

– А кто здесь раньше жил? – Сделав несколько больших глотков, историк даже зажмурился от удовольствия – напиток моментально мягко ударил в затылок, и по телу разлилась приятная прохлада.

– Брат михайловский. Утоп он.

– Жалко.

– Не то слово. Хороший был мужик. Но не будем о грустном. Что думаешь?

– Пока не знаю, – осторожно ответил Марсель. – Ты вот что мне лучше скажи: на кой я вам сдался? По мне же видно, что не мастак руками работать.

– Ну, это ты зря...

– Да ладно тебе, – отмахнулся доцент.

– Ну, хорошо. – Курьян почесал затылок и как-то смущенно крякнул. – Да, ты не богатырь, но нам такой и не нужен. Понимаешь, у нас все мужики как на подбор, здоровые, косая сажень в плечах. Если не считать Михайло, конечно. Но у него своих дел по горло. Летом все в поле, на работах, даже старики – и те еще о-го-го. В селище никого не остается, кроме баб да детишек малых.

– И что?

– А то, что нам требуется тот, кто будет за всем этим хозяйством приглядывать, да за бабами нашими следить, чтобы не накуролесили.

– Не понимаю, о чем ты. Это я, что ли, должен ими руководить? – Марсель даже привстал от удивления. – Я что тебе, внух, что ли?

– Зачем сразу внух? – возразил Курьян. – И в мыслях такого не было. Если все будет хорошо, мы тебе бабу подходящую подыщем. Считай, что мы тебе предложение стоящее делаем. Где ты еще найдешь такие условия? Конечно, работать за тебя никто не станет, но всем остальным обеспечим. Так что думай, решай.

Марсель последовал этому совету: подумал – и решил, что это лучший из вариантов в создавшейся ситуации. Тем более что время шло, а его никто и не думал спасать из этой переделки. В конце концов ему стало понятно, что это по меньшей мере надолго, если не навсегда!

* * *

...Со временем он даже прижился здесь, правда, произошло это не сразу. Сначала Марсель то и дело попадал в глупые, а временами даже опасные ситуации. Так, однажды он выразил желание присутствовать на сенокосе, поскольку прежде наблюдал за этим процессом только с экрана телевизора. Все оказалось достаточно скучно, а монотонные песни, которыми мужики сопровождали работу, навеяли на него сон. Задремав сидя, он завалился на бок и вполне мог закончить свои дни под косой, которая просвистела возле самого его уха, если бы не счастливая случайность – его вовремя заметили, разбудили и прогнали с поля от греха подальше. В другой раз он, увлекшись осмотром местных красот, забрел слишком далеко от дома, а поскольку стояла уже глубокая осень, то историк, застигнутый темнотой врасплох, оказался в незнакомой местности ночью. Услышав неподалеку волчий вой, который тут же подхватили еще несколько хищников, Марсель уже успел мысленно попрощаться со всеми своими новыми друзьями, однако ему опять повезло: он вышел на дорогу, по которой двигались путники, возвращавшиеся из Киева в родное село. Незадачливый путешественник присоединился к ним и, таким образом, спасся. Вообще, подобных случаев было немало, но каждый раз словно ангел-хранитель уберегал его от смерти. Правда, однажды не обошлось без увечья. С началом дождливого сезона крыша избы, которая досталась доценту по наследству, начала протекать, и он, недолго думая, полез ее чинить, но поскользнулся и, скатившись вниз, едва не напоролся на вилы, которые перед этим забыл убрать в сарай. Благополучно миновав их, Марсель тем не менее умудрился приземлиться прямо на лицо. О том происшествии ему теперь напоминал шрам на правой щеке, делавший его немного похожим на разбойника с большой дороги. Тогда, осмотрев его рану, Ульяна, местная знахарка, проворчала что-то о том, что шрамы лишь украшают настоящего мужчину, и выпроводила за дверь, несмотря на протесты и жалобы пациента.

Нужно сказать, что с этой женщиной отношения у Марселя не сложились с самого начала. Возможно, она сама по себе была таким человеком – с ней на самом деле мало кто общался, разве что в случае крайней необходимости, если кому-то было плохо или, например, баба какая рожала. Но историк также допускал и мысль о том, что, возможно, она увидела в нем конкурента. Ведь, несмотря на свою неосведомленность в медицине, он тем не менее в некоторых

вопросах был гораздо более продвинутым, а в плане оказания первой помощи так и вообще мог дать ей сто очков форы. Увидев, как он однажды откачал утопленника, Ульяна начала к нему относиться очень настороженно и не упускала случая как-нибудь задеть неожиданного конкурента. Впрочем, женщина никогда не выходила за рамки приличий, так что Марсель старался не замечать холодной войны, которая наблюдалась между ними. В конце концов, увидев, что мужчина не претендует на ее место в обществе, целительница наконец успокоилась и даже периодически обращалась к нему за помощью, если не могла с чем-то справиться сама. В свою очередь, историк многому научился у нее и теперь мог считаться вполне сносным травником.

Так что можно было сказать, что он прижился, несмотря ни на что. Роль, которую отвели ему в селище, оказалась достаточно почетной: Марсель открыл в себе лидерские качества и после нескольких разносов, которые он устроил бабам, его зауважали и даже стали немного побаиваться. Кроме того, навыки дачника помогли ему усовершенствовать местную систему огородничества, которая пребывала в зачаточном состоянии. Когда в результате его участия урожай репы вырос вдвое, а огурцы и капуста вообще заполнили все кадки для солений, к нему за советом стали обращаться даже опытные хозяйки.

Единственное, что не устраивало теперь уже бывшего доцента, так это обидное прозвище, которое за достаточно короткий срок заменило ему имя. Теперь никто уже и не помнил о том, что его звали Марселем – все, от мало до велика, обращались к нему не иначе как Бала-мошка. Правда, никто больше не вкладывал в это слово изначального смысла, и тем не менее мужчина периодически пытался избавиться от него, вот только это так ни к чему и не привело. Впервые его так назвали после того, как он, задумавшись, зашел в баню в то время, когда там мылись женщины. Естественно, его оттуда тут же выпроводили, наградив напоследок несколькими крепкими затрещинами.

– Баламошка! – со смехом кричали ему бабы, правда, это был едва ли не самый безобидный из всех услышанных им в тот раз эпитетов. К счастью, больше никто об этом инциденте не вспоминал, иначе историк просто сгорел бы со стыда. Однако вскоре он снова попал впросак, невзначай испортив сети, которые мужики старательно расставляли на реке.

– Ну ты и Баламошка, – развел тогда руками в стороны Курьян, не зная, что сказать еще.

С тех пор так и повелось – его прежнее имя, которое никто так и не смог толком запомнить, было вытеснено знакомым всем прозвищем. Сначала так его называли только мужики, которые все не могли простить ему испорченной рыбалки, а потом к ним присоединились и все остальные. Историк несколько раз пытался поставить вопрос ребром, но у него ничего не выходило – прозвище прилипло как репей, и теперь даже он сам иногда мысленно обращался к себе на новый лад.

Освоившись, историк узнал много нового, включая то, о чем прежде даже не задумывался. Ссоры и склоки были здесь такой редкостью, что можно было только диву даваться. Конечно, бабы перепалки не шли в счет – эти могли с утра до вечера лаяться, выясняя, чья коса толще или у кого хозяйство богаче. Правда, с тех пор как Марсель вошел в свои права, подобных случаев стало гораздо меньше, но тем не менее совсем их устранить ему так и не удалось. Да и не нужно это было – иногда мужикам было даже интересно понаблюдать за тем, как их жены пытаются перекричать друг друга. В таких ситуациях они останавливали строгого зрителя, видя, что тот уже готовится вмешаться:

– Пусть их, Баламошка. Дай бабам порезвиться, а то мы уже стали забывать, какие они у нас голосистые.

Сам Марсель как был, так и остался бобылем. Хотя, справедливости ради, нужно было признать, что Михайло не раз пытался исправить такое положение дел, представляя ему то одну, то другую бабу. Но первая была слишком толстая, хотя сам староста так, конечно, не считал. Вторая, хоть сначала и произвела на историка положительное впечатление, в какой-то

момент так зычно заржала, что тот едва не упал с лавки. Третья оказалась чересчур стервозной, четвертая – глупой, пятая – молчаливой и угрюмой. И так далее.

– Ну, брат, на тебя не угодишь, – ворчал Михайло, провожая взглядом очередную неудачную пассию. – Твое дело, конечно, но так ты до самой старости никого себе не найдешь.

– Лучше жить одному, чем с кем попало, – повторил Марсель услышанную когда-то мысль.

– Так-то оно, может быть, и так, – согласился староста. – Говоришь ты красиво, это всем известно. Однако до сих пор так никого себе и не нашел. Это, конечно, лучше, чем куроцупом прослыть, но ты все же подумай. Негоже человеку в твоём возрасте самому себе кашу варить. Ведь не мальчик уже.

Марсель и сам понимал, что долго так продолжаться не может, однако ничего не мог с собой поделать. Единственная женщина, которая заинтересовала доцента, была как раз та самая девица, которая зыркнула на него в день его первого появления в селище. Ее звали Марусей, она была дочерью Степана, местного кузнеца, и славилась способностью отваживать наиболее настырных ухажеров. Стройная, как березка, чернобровая и румяная, она у многих вызывала самые естественные физические желания, но сама была непреклонна: будучи единственной дочерью, вертела отцом как хотела, и в конце концов тот махнул рукой.

– Как моя дочь скажет, так и будет, – заявил он однажды всеуслышание. – Если ей никто не придется по нраву, я ее неволить не стану.

– А если и вправду никто не придется? – спросил кто-то.

– Значит, помрет старой девой, – грозно сверкнул глазами кузнец, и у всех как-то сразу отпало всякое желание вступать с ним в спор.

Иногда Марсель долго не мог заснуть, думая о юной красотке, но ему даже в голову не приходила мысль о том, чтобы попытаться завязать с ней отношения. Во-первых, он всегда был достаточно робок с женщинами. А во-вторых, слишком уж она была молода. Несмотря на то что, по местным понятиям, она достигла половозрелого возраста, в нем были еще сильны представления из прежней жизни о том, что можно было считать нормой. Шестнадцать лет, как ни крути, не вписывались в границы дозволенного, которые доцент себе когда-то установил. Его студентки и те были старше. Так что, повздыхав некоторое время, Марсель строго-настрого запретил себе думать о Марусе. Хотя пару раз ему показалось, что сама девушка с интересом посматривала на него, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что подобное было просто невозможно. Чем мог мужчина, по местным меркам уже достаточно пожилой, привлечь девицу, у которой вся жизнь впереди?

Со временем мысли о женитьбе посещали его все реже, пока наконец однажды он не пришел к выводу, что одиночество – именно та зона комфорта, из которой у него не было никакого желания выходить. Это случилось как раз тем утром, когда Марсель, проснувшись в обнимку с ведром, с удовольствием отметил про себя, что предпочел бы заночевать в сарае, только бы не показываться ни перед кем в таком состоянии. Зачем ему жена? Чтобы было, как у всех? Жалкая причина. Чтобы было кому подать стакан воды, когда он будет при смерти? Вспомнив анекдот о человеке, который женился только из-за этого, а умирая, понял, что не хочет пить...

* * *

Ему очень не хватало любимого ортопедического матраца, о котором он почти каждую ночь вспоминал с любовью и теплотой. Пытаясь хоть как-то заменить его, он перепробовал все, однако не добился хоть какого-нибудь удовлетворительного результата. Сено колосось и прело, пух еще нужно было умудриться достать в нужном количестве, так что в итоге он пришел к выводу, что возможность понежиться в нормальной постели потерян для него навсегда.

– Баламошка! Ты спишь? Или ты не спишь?

Вздыхнув, Марсель сунул ноги в домашние поршни, обувь наподобие обычных тапок, и неторопливо прошел к двери. Единственное значительное усовершенствование избы, до которого у него дошли руки, был дощатый пол. Что бы ни говорили соседи, а ходить по земле, будучи в помещении, он не мог себя заставить. Выглянув наружу, увидел Мефодия, того самого мужика, который накануне практически дотащил его до кровати.

– Живой? – улыбнулся мужик, продемонстрировав отсутствие одного переднего зуба.

– Вполне, – приветливо кивнул Марсель. – Я, похоже, опять вчера наговорил лишнего?

– Да уж, много чего наплел. Но не переживай, мы привыкли. Я по другому поводу.

– Опять что-то стряслось?

– Нет, тут такое дело... – Мефодий огляделся по сторонам и вдруг перешел на заговорщический шепот: – Большой человек к нам едет. Остановится переночевать.

– Такой уж большой? – недоверчиво прищурился историк. – Или как в прошлый раз?

– Что? А-а... Да нет, и вправду серьезный. Говорят, посланник греческий. К самому князю Владимиру.

– А я-то здесь при чем?

– Так ты у нас самый баечник, разве нет? Прибудет этот посланник на закате, мы его устроим, как следует, но перед этим гостя надобно угостить и разговорами развлечь. А кому, как не тебе, этим заняться следует? Вот меня Михайло и послал за тобой.

– Ох уж мне этот Михайло. – Марсель недовольно нахмурился: ему совершенно не улыбалась перспектива развлекать какого-то залетного иноземца, каким бы важным и состоятельным он ни был. – А этот твой грек – он хоть по-нашему понимает? А то я сам, знаешь, в греческом не особо силен.

– Да пес его знает, – пожал плечами мужик. – Может, понимает. А может, и нет.

– Ладно уж. Пойдем к старосте. Может быть, он знает больше твоего.

Вышагивая рядом с Мефодием, Марсель думал о том, что пора бы уже вымостить камнем отдельную дорогу от его дома к избе Михайло – настолько часто им приходилось пересекаться по внутренним делам селища. Знакомые, которых он встречал по пути, приветливо махали руками. Что ни говори, а его здесь если и не особо уважали, то уж точно любили. Историк довольно быстро привык к такому положению вещей, хотя оно в какой-то мере было для него новым. В прежней жизни его уважали за профессиональные навыки и статус, но любили ли? Вряд ли.

– Здравствуй, Баламошка!

– Как дела, Баламошка?

– Давно не заглядывал к нам, Баламошка!

– У меня медовуха созрела, Баламошка!

Марсель кивал всем направо и налево, улыбаясь совершенно искренне. Неожиданно для самого себя он нашел свое место именно здесь. Если отбросить в сторону всякие мелочи типа порядком доставшего ему прозвища, отсутствия водопровода и прочей ерунды, то он мог сказать с уверенностью, что был в целом счастлив.

Подойдя к воротам центрального здания, он увидел Курьяна, уже поджидавшего его, всем видом демонстрируя недовольство.

– Что? – вместо приветствия спросил Марсель, считавший здоровяка другом и поэтому предпочитавший не допускать недомолвок.

– Вы посмотрите на него, люди добрые! – Мужик обратился к воображаемой аудитории и, прищурившись, смерил собеседника сердитым взглядом: – Еще спрашиваешь?

– Не понимаю, о чем ты.

– А с урумом кто собрался без меня задружиться? Не стыдно? Я-то, дурак, всюду его за собой таскаю. Если что любопытное происходит – сразу за ним бегу. А он? Тьфу, одним словом.

– Во-первых, не с урумом, а с греком, – начал историк, но Курьян его перебил:

– А по мне хоть мавром его назови, а все равно обидно и не по-людски.

– Во-вторых, – Марсель не обратил на это замечание никакого внимания, – я сам только что узнал о нем вот от него.

Мефодий, на которого теперь смотрели две пары глаз, растерянно развел руками:

– Чего? Меня Михайло послал, велел Баламошку привести. О тебе, Курьян, ничего сказано не было.

– Ах, вот оно что. – Лицо мужика вытянулось, и он с извиняющимся видом взглянул на друга. – Ну, не сердись, поторопился.

– Ладно, – кивнул Марсель. – Пойдем, что ли, узнаем, чего там наш староста задумал.

Оказавшись в избе, мужики увидели Михайло, который с важным видом располагался на лавке, а вокруг него, подперев подбородок руками, восседали самые опытные и уважаемые жители селища. Картина маслом, усмехнулся про себя Марсель, здесь письмо турецкому султану сочиняется, не меньше.

– Здорово. – Он поприветствовал присутствующих и обратился к хозяину: – Что нового, Михайло? Вижу, дело важное.

– Ох и не говори, – тяжело вздохнул староста, приглашая гостей присесть. – Как снег на голову этот грек свалился.

– Кто таков?

– Да кто его разберет. Вчера дружинник от самого князя прискакал, говорит, мол, делай что хочешь, а чтобы посланник этот доволен остался.

– А что ж он в Витачове не переночует? Там вроде и условия получше, да и стены как-никак имеются.

– Все это так, но ты же знаешь тамошнего воеводу. Самодур знатный. К тому же очень нетерпим ко всяким иноверцам.

– А грек этот?..

– Он самый и есть. Дружинник тот мне по секрету сказал, что он нашего князя будет склонять в свою веру. А ты Владимира знаешь – он в последнее время сам не свой, все старается выше головы прыгнуть и всех под себя подмять.

– Не слышал.

– Ну, как же. Истуканов понаставил в Киеве. Перун теперь у него главный самый. Голова серебряная, а усы – из чистого золота. Я сам не видел, но люди так рассказывают. Я против Перуна, конечно, ничего не имею – он бог сильный, уважаемый, но нехорошо его выше самого Рода ставить. Только это между нами.

– Да, конечно... Пстой. Так Владимир, говоришь, реформу провел? А какой у нас нынче год?

– Да вроде вчера еще был...

– Да, знаю, шесть тысяч четыреста девяносто шестой. Значит...

Прикинув в уме разницу, он присвистнул:

– Эге, брат, да у нас здесь намечается кое-что интересное.

– Что? – насторожился Михайло.

– Да так, – неопределенно махнул рукой Марсель. – На твоём месте я бы не стал сильно беспокоиться о том, угодишь ли ты страннику этому или нет. У него совсем другие цели и задачи. Обеспечь ему хороший стол и мягкую постель, этого будет вполне достаточно.

– А беседы?

– Ну а беседы – это уже мое дело. Когда, говоришь, прибудет твой грек?

– На закате обещался.

– Кириллом зовут?

– Кажется, так. А ты откуда знаешь?

– Это совершенно не важно. – Историк улыбнулся хозяину и поднялся. – Я пойду, нужно успеть в порядок себя привести. Зайду к тебе вечером, так уж и быть. Побалакаем с гостем дорогим.

– Думаешь, обойдется? – Староста удивился беспечности Марселя, остальные мужики тоже смотрели на него с некоторым недоумением, но предпочитали помалкивать.

– Уверен!

Сделав знак Курьяну не идти за ним, он кивнул остальным и вышел за дверь. Оказавшись на улице, Марсель тут же переменялся в лице – от недавнего легкомысленного выражения не осталось и следа – и поспешил к своему дому.

– Это ж надо было так удачно во времени переместиться, – бормотал он, машинально кивая знакомым. – Случайность? Возможно. Или все-таки нет? Тоже может быть. Эх...

В этот момент он особенно остро ощущал нехватку методических пособий, которые помогли бы ему восстановить хронологию времени, в котором он оказался. Однако и без вспомогательных материалов ему было совершенно ясно, что странник, так взбудораживший воображение Михайло, был никаким не греком, а византийцем, представлявшим греческую православную церковь. Именно после разговора с ним в свое время началось крещение Руси. Вернее, вот-вот начнется, если исходить из того, где и когда находился историк. Скорее всего, Владимир уже принял – или принимает прямо сейчас – мусульман, иудеев и католиков. Что ж, Марсель помнил, чем все должно было закончиться. Смирившись с мыслью о том, что до конца своих дней так и не сможет выбраться отсюда, он даже в самых смелых мечтах не предполагал, что когда-нибудь окажется сопричастным таким значительным событиям мирового масштаба.

Оказавшись дома, историк некоторое время пытался вспомнить, куда спрятал дипломат. Первое время он старался постоянно держать его на виду, потому что там хранились документы и рабочие записи. Сначала доцент даже пытался вести дневник, куда записывал все, что казалось ему важным. Но время шло, и в конце концов «заморская торба», как называл ее Курьян, оказалась засунута подальше и благополучно забыта.

– Да где же ты?! – Марсель, перевернув все вверх дном, наконец остановился и закрыл глаза, стараясь представить, куда бы он положил такую вещь, как дипломат, если бы пришлось делать это сейчас. – Ну да, конечно!

Отодвинув от стены конструкцию из связанных между собой лавок, мужчина, радостно вскрикнув, извлек на свет важнейшее напоминание о своем прошлом. Быстро набрав код, он отщелкнул замок и, затаив дыхание, заглянул внутрь. Вдохнув полузабытый запах офисной суеты, он не почувствовал никакой тоски по прежней жизни и довольно улыбнулся. Взяв в руки давно разрядившийся мобильный телефон, историк некоторое время рассматривал его пластиковый корпус, а затем бросил обратно – в нынешних условиях дорогой девайс был лишь забавной безделушкой, которую можно было использовать разве что в качестве подставки. Копаться в записях он не стал – в них все равно не было ничего полезного – так, заметки, не более. Однако ему нужно было срочно собраться с мыслями и попытаться вспомнить все, что он знал когда-то об этом периоде. Это оказалось не так просто. Марсель лучше многих знал о том, что история никогда не была точной наукой – в критические моменты она становилась эластичной и податливой, и ей придавали форму, которая была угодна тем, кто находился у власти. Западные ученые всегда были склонны принижать роль славян в мировой истории, и потому данные, которые были доступны работникам его уровня, не отличались ни достоверностью, ни хоть какой-то упорядоченностью. Он часто обсуждал печальное положение вещей с коллегами за чашкой чая, но большинству из них было наплевать на то, что именно они преподают – правду

или вымысел. Учебные материалы были одобрены Министерством образования, значит, им можно было доверять.

Тем не менее из всей той кучи мусора, которую представляли собой его знания, можно было выделить крупницы истины, которые подтверждались имеющимися историческими артефактами.

– Итак, что мы имеем?

Марсель раскрыл блокнот и принялся записывать все, что могло ему пригодиться во время предстоящей встречи. Разница между славянским и григорианским календарями составляла пять тысяч пятьсот восемь лет, значит, сейчас шел девятьсот восемьдесят восьмой. Почему он раньше не вспомнил об этой знаменательной дате? Уж кому-кому, а ему-то следовало обратить на это внимание!

Кирилл не скажет Владимиру ничего особенного – так, общие слова. Значит, должна быть еще какая-то причина, по которой князь предпочтет греческое православие остальным конфессиям. Официальная наука не давала на этот вопрос однозначного ответа. Вроде бы Владимир намеревался таким образом объединить всех славян, мол, обновленный языческий пантеон не сработал, так, может, с этим получится. Однако историк уже не был уверен в том, что именно эта причина стала основной. За то время, что Марсель прожил среди этих людей, он не заметил ни единого намека на раскол внутри общества. Далекие предки, поклонявшиеся разным богам, были гораздо более сплоченными, чем его современники, носящие на груди крест. Впрочем, он мог и ошибаться – политология никогда не была его любимым предметом.

Оставался открытым вопрос о том, кем вообще был этот Кирилл, который в исторических источниках фигурировал как «философ». Если удастся разобраться в этом, тут же станет ясно, как Марселю себя с ним вести. Представив себе ситуацию, которая подтвердила бы догадки некоторых ученых-теоретиков о том, что начало крещения Руси якобы началось задолго до Владимира, Марсель ухмыльнулся. А что? Встать перед ним в третью позицию и представиться: так, мол, и так, я из будущего к вам явился, там все не то чтобы плохо, но как-то не очень. Может быть, покумекаем вместе и придумаем, как все изменить?

– Эй, старик, о чем ты? – историк одернул сам себя. – Может быть, этот византиец вообще не захочет с тобой говорить. Приедет, поест-попьет – и на боковую. А утром его и след прощупать.

Внезапно в голову пришла дерзкая мысль, и Марсель даже зажал себе рот рукой, словно боялся, что кто-то услышит. Глядя прямо перед собой, он некоторое время бесшумно шевелил губами, а потом вскочил на ноги и принялся мерять комнату шагами. Поведение ученого объяснялось легко: он вдруг осознал, какая власть оказалась в его руках. Ведь, если подумать, он мог изменить судьбу целого народа. Какой бы она была, если бы славяне предпочли иную религию? Не христианство, не ислам, не иудаизм, а свое, исконное? Представив себе капища Сварога и Макоши в реалиях двадцать первого века, историк даже зажмурился от удовольствия. Кто знает, возможно, тогда все пошло бы совсем иначе?

Стоп! Марсель в очередной раз остановил себя. Иначе – не значит лучше. Никто не давал ему права на проведение таких опасных экспериментов. К тому же он совсем не был уверен в том, что, внося подобные изменения в историю человечества, сам не исчезнет вместе с православием на Руси. Да и будет ли она – Русь? Не факт...

Нет, сказал себе Марсель Иванович Лавров. По какой бы причине он ни попал сюда, ему следовало относиться к своей миссии ответственно. Даже если все произошло по нелепому стечению обстоятельств, он все еще оставался разумным человеком, а не ребенком, который, высунув язык, тянется руками к оголенным проводам только для того, чтобы посмотреть, что будет дальше.

– Баламошка! Ты дома?

Наверное, он так увлекся этим внутренним диалогом с самим собой, что не сразу услышал Курьяна. Во всяком случае, раньше тот никогда не позволял себе заявляться вот так, без приглашения. Несмотря на дружеские отношения, которые почти сразу установились между ними, мужик почему-то всегда был очень предупредительным по отношению к нему, иногда даже чересчур. Эта его черта долго была непонятна Марселю, и однажды он даже задал этот вопрос приятелю:

– А чего это ты ко всем без приглашения вламываешься, а меня каждый раз зовешь из-за калитки? Боишься, что ли?

– Не то чтобы боюсь... – Курьян отчего-то замялся.

– А что тогда?

– Не знаю, как сказать, чтобы не обидеть тебя.

– Говори, как есть. Это самое верное.

– Ладно. Ты не такой, другой. Не чужой, но другой. Трудно объяснить.

– И что же во мне не так? – удивился Марсель.

– Да все.

– Ну, допустим. И что, из-за этого ты стесняешься ко мне в дом зайти?

– Ты будешь смеяться, друг, но – да, стесняюсь. Как девка перед первой брачной ночью.

Решившись наконец на такое признание, мужик вздохнул с облегчением и расхохотался, и Марсель, не сдержавшись, присоединился к нему. Этот разговор так и остался между ними, но, несмотря на это, Курьян продолжал звать друга, пока тот не выглядывал в окошко или не выходил на крыльцо. Только после этого гость решался войти. Должно было произойти что-то невероятно важное, чтобы упрямец изменил своим привычкам.

– Курьян? – Историк окинул взглядом посетителя, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и только после этого поинтересовался причинами вторжения: – Случилось что?

– Ничего такого. Но у меня к тебе просьба.

– Такая, что ты не мог подождать? Ну, говори, раз так.

– Не встречайся ты с этим греком, или как его там называют. У меня предчувствие плохое.

– Вот тебе раз. С чего бы это вдруг у тебя – и предчувствия?

Марсель был одновременно удивлен и не на шутку обеспокоен таким заявлением. Что могло заставить Курьяна, который никогда не был суеверным, вспомнить о такой невесомой субстанции, как предчувствие?

– Расскажи-ка мне поподробнее о том, что это вдруг взбрело тебе в голову. – Марсель решил, что прежде, чем дать ответ, просто обязан был хотя бы выслушать друга.

– Не поверишь, но после того, как ты ушел, как-то мне стало беспокойно. Хотя Михайло с остальными мужиками вроде бы остались довольны твоими словами.

– Так не ходи никуда и ничем не занимайся, авось пройдет. Что тебя беспокоит? Поводай уж наконец, не томи.

– А вот что. Большие перемены идут, это все чувствуют. Ты думаешь, мы не понимаем, зачем Владимир новых богов на престол возвел? Дело ясное – человеку мало повелевать своей дружиной, он хочет всеми управлять.

– Разве это не так?

– Как тебе сказать... Вроде бы и так, да не совсем. Сегодня один князь, а завтра – другой. И каждый правит по-своему.

– Может быть, это и не плохо вовсе? – Марсель грустно усмехнулся – его собеседник говорил вполне разумно.

– Кто знает? Однако одно дело, когда человек приходит к тебе и говорит, мол, так и так, хочу объединить всех под своей властью, чтобы оградить вас от врагов со стороны. Будете жить со мной в мире и достатке. Таким разговорам мы всегда рады. Но ведь князь поступает иначе.

Играет с нами, будто мы дети малые. Понавтыкал истуканов, думал, наверное, что это на нас подействует. Но наши боги и не такое видывали, ничего, переживут. Выходит, не получилось у него ничего. Теперь, думается мне, он новую пакость какую-то затеял. Я слышал кое-что о греках и их боге. Говорят, там свободой и не пахнет. К тому же многие здесь помнят покойного князя Аскольда, который тоже был из этих. А Владимир – он посерьезнее Аскольда будет. Настырный князь, молодой, горячий. Ох, боюсь я, что добром это не закончится.

– Допустим. Ну а я-то тут при чем?

– Так зачем тебе Кирилла этого разговорами развлекать? – Курьян хитро прищурился и, наклонившись к собеседнику, перешел на заговорщический шепот: – Нам нужно сделать все наоборот, чтобы он поскорее восвосяи убрался. Ты не ходи, пусть с ним вон Михайло сам болтает, он его быстро утомит. В медовуху я ему навоза накидаю, остальные блюда тоже испорчу. Чай, поймет, что ему здесь не рады, если не дурень.

– Как у тебя все просто выходит. – Марсель, представив лицо посланника, отхлебнувшего напиток с дерьмом, не выдержал и рассмеялся. – Если бы все было так, как ты говоришь, я бы точно не пошел.

– Думаешь, не сработает? – искренне огорчился мужик.

– Уверен! Не затем он в такую даль ехал, чтобы поворачивать назад, когда до цели уже рукой подать. Чай, не из соседнего селища прибыл. Так что, друг, придется мне все-таки побеседовать с дорогим гостем.

– Тоже мне дорогой, – фыркнул Курьян. – Может быть, тогда сказать ему, как есть? Мол, не нужен нам здесь ни ты, ни вера твоя.

– Ну, скажу я ему так, и что? Он нажалуется князю, а тот – по твоим же словам, молодой и горячий – вступится за оскорбленного гостя, пришлет сюда кого-нибудь из своих молодцев башку мне открутить. Нет, я на такое не согласен.

– Да, нехорошо получится, – с угрюмым видом согласился здоровяк. – Что же тогда нам делать?

– Так уж и нам? – Марселя позабавило стремление его собеседника всюду совать нос. – Ничего не делать. Тебе – отдыхать и держать ухо востро на всякий случай. А я пока постараюсь узнать, чего от нас этому посланнику надо. Может, важное удастся вытянуть.

Сначала Курьян насупился, но тут же его лицо просветлело, и он хлопнул себя по колену:

– Точно! Выведать все, а потом уже действовать. Ну, ты голова!

– А ты что хотел? С вашими бабами пообщаешься с мое – и не такому научишься.

– А может, ему на самом деле какую бабу подсунуть? – неожиданно предложил мужик. – У нас, правда, гулящих нет, но я могу быстренько в Витахов сгонять. Может, там?..

И Курьян вскочил на ноги, уже готовый мчаться на поиски девиц легкого поведения, однако историк остановил его:

– Не торопись, это ни к чему.

– Почему же?

– Во-первых, с чего ты взял, что раз их нет здесь, они отчего-то должны появиться в соседнем селище? Как-то не по-соседски это. Во-вторых, не забывай, кого ты соблазнять собрался. Это тебе не купец какой-нибудь, чтобы на бабу слюни пускать.

– И то правда, – смутился было Курьян, но тут же его глаза снова заблестели. – Тогда возьми меня с собой!

– Это зачем же? Ты чего удумал?

– Ну, раз ты не хочешь ему от ворот поворот дать, позволь уж хотя бы мне поглядеть на это чудо-юдо. От него не убудет ведь.

– Ох, боюсь я что-то...

– Буду молчать.

Марсель с сомнением посмотрел на мужика, но у того были такие честные глаза, что сдался:

– Ну, ладно. Пусть будет по-твоему.

– Добре! Значит, встретимся у Михайло!

Курьян поспешил закончить разговор и быстро попрощался, чтобы у собеседника не было времени передумать. Марсель же, оставшись в одиночестве, еще некоторое время размышлял над тем, к чему все это может привести.

Вздорный друг беспокоил его меньше всего, максимум, что он мог сделать, – это ляпнуть какую-нибудь глупость. Скорее всего, священник за время странствий сталкивался и не с такими несдержанными на язык простолюдинами, что ему с них? Оставалось только решить, как самому вести себя с Кириллом. Раз уж Марсель принял решение не вмешиваться в естественный ход истории, то это накладывало на него определенные обязательства. Представитель селища в две сотни душ – это уже что-то, особенно учитывая относительную немногочисленность населенных пунктов в десятом веке. Что ж, историк устал переливать из пустого в порожнее и решительно поднялся – значит, будет действовать по обстоятельствам, в крайнем случае, притворится дурачком, чтобы хоть как-то соответствовать своему прозвищу.

Выйдя на улицу, он, скорее по привычке, чем по необходимости, прошелся по селищу, чтобы проверить, – все ли идет своим чередом. Шум возле дома кузнеца вынудил направиться в ту сторону. Стараясь не привлекать к себе внимания, Марсель встал в сторонке и некоторое время наблюдал за происходящим. Степан стоял на крыльце своей избы, недовольно хмурясь, а перед ним, размахивая руками, распиналась Авдотья, дородная баба лет сорока.

– Нет, ты мне скажи, – наступала она на мужика, который был выше ее как минимум на две головы, – она что, считает себя лучше моего мальчика?

– А если и так, тебе какое дело? – прогудел в ответ кузнец.

– Как это – какое дело? – кипятилась Авдотья. – Чем это вы лучше? Скотина у вас упитаннее, что ли? Или, может быть, хата красивее? Говори!

– Мне без надобности спорить с тобой. – Степан попытался отмахнуться от нее и вернуться в дом, но баба не унималась, и он крикнул: – Да отстань ты, ветрогонка!

– Я тебе покажу – ветрогонку! – возмутилась женщина. – У тебя товар, у меня купец!

– Забирай своего купца и засунь его себе в...

Увидев, что кузнец начинает терять терпение и уже готов взорваться, Марсель вышел из укрытия и направился к ссорящимся. Степан заметил его и с облегчением воздел руки к небу:

– Ну, слава богам! Баламошка, друг мой, успокой, пожалуйста, эту... – Не зная, каким эпитетом наградить Авдотью, кузнец некоторое время пытался подобрать подходящее слово, но так и не смог этого сделать.

– Что случилось? – Историк уже понял, что к чему, но решил выслушать обе стороны.

– А я расскажу. – Женщина обрадовалась третьей стороне и поспешила поведать свою версию произошедшего. – Ты ведь знаешь Мирошу, сыночка моего ненаглядного?

– Конечно, – кивнул Марсель, который действительно был хорошо знаком с Мироном и считал его не только лентяем, но и редкостным дурнем. – Ты можешь им гордиться.

– Вот и я о том же! – Авдотья победно взглянула на Степана, а тот удивленно моргнул, услышав такую характеристику. – Но вот какая штука вышла. Мироше, сыночку моему, пора жениться. Я ему уже трех девок предложила на выбор – одна краше другой. Говорю, хоть завтра свататься пойдем.

– А он?

– А он заладил одно: мол, только Маруся мне мила. Жить без нее не могу, делай, мама, что хочешь, а мне ее добудь. Вот скажи мне, Баламошка, разве можно такой великой любви препятствовать?

– Любви – нельзя, конечно. Но она должна быть взаимной, – мягко остудил напиравшую бабу Марсель. – А что же сама Маруся говорит?

– Не хочет она замуж за Мирона, – проворчал Степан. – А я ее неволить не буду. Она свободный человек, сама должна решать, с кем жить и от кого детишек рожать.

– Разумно, – кивнул историк. – Так чего же ты хочешь, Авдотья?

Женщина, задохнувшись от возмущения, уже набрала в легкие воздуха, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но Марсель ее опередил:

– Мироше нужна жена, похожая на тебя. Ведь кто лучше матери знает, что для родного дитяти лучше, верно?

– Верно, – протянула женщина, не понимая, куда клонит собеседник.

– А разве Маруся сможет сделать Мирона счастливым? Своенравная, упрямая – вся в отца. И сама будет грустить, и сыночку твоему жизнь испортит. А ты ведь знаешь, как сложно у нас народ к распусту относится. Проще уж до самой смерти мучиться, чем с бабой разойтись. Вот и скажи мне: хочешь ты такого для своего парня?

– Что ты! – Авдотья округлила глаза и замахала на Марселя руками. – И в мыслях подобного не было!

– Тогда зачем шумишь? Степан, можно сказать, тебе одолжение большое сделал, беду отвел. А ведь мог и кулаком по столу стукнуть – и пошла бы Маруся за Миро-шу как миленькая. А потом – хоть камень на шею и в омут с головой.

– Ох, какие ты страсти рассказываешь. – Женщина вдруг успокоилась и, как ни в чем не бывало, кивнула кузнецу: – Бывай, соседка. Не обижайся на меня, глупую. За сына обидно стало, не сдержалась.

– И ты не поминай меня лихом. – Степан так обрадовался неожиданной развязке, что даже не пытался скрыть довольную улыбку. Проводив Авдотью взглядом, он повернулся к своему спасителю и развел руками: – И как у тебя получается справляться с этими визгопряхами? Диву даюсь...

– Это опыт, братец, – отозвался Марсель. – Силой с ними ничего не решить. Они, может, и подчинятся, но затаят злобу. А нет ничего опаснее мстительной бабы.

– Твоя правда, – кивнул кузнец.

– А что Маруся-то? – поинтересовался историк. – Так и не надумала замуж? Пора уже. А то засидится в девках, потом сама жалеть будет.

– Да знаю. – Степан погрузился. – Но что я могу поделать? Ты знаешь нашу беду. Мать ее умерла при родах, единственная для меня радость – это Маруся, доченька моя. Иногда сам себе бабой кажусь, но ничего поделать не могу. Разбаловал я ее. Как представлю, что она несчастлива, так все внутри переворачивается.

– Но ты не станешь противиться ее выбору?

– Что ты! Да я только рад буду, если она любимого найдет. Но тут такая штука...

Степан оглянулся, чтобы убедиться, что дочери нет рядом, и отвел Марселя подальше от крыльца.

– Тут такая штука: мне кажется, что у нее кто-то есть на примете, но она почему-то не хочет мне ничего говорить.

– Откуда такие мысли?

– Сам посуди. Помнишь, какая она раньше была? Хотя откуда тебе помнить, ты же у нас недавно совсем. Но это не важно. Веселая была, все время с подружками бегала, домой не загонишь. А теперь все чаще в хате сидит, подолгу на стены смотрит. Когда думает, что я ее не вижу, тайком плачет. Вышивать начала, хотя сроду этим делом не увлекалась.

– Может быть, по матери тоскует? – предположил Марсель.

– Это вряд ли. Она ведь не знала ее, откуда тоске взяться?

– Да, тут ты прав... Тогда не знаю, что и думать. Могу только посоветовать дожидаться, пока все само разъяснится.

– Меня беспокоит, что она ни с кем не общается. Если бы кто-то у нее появился, я бы первым об этом узнал – до того дошел, что начал за родной дочкой следить, представляешь?

– И что, выследил кого-нибудь?

– Нет, – хмуро ответил кузнец. – Может, она влюбилась в женатого?

– Что ты! – воскликнул Марсель, но тут же опять понизил голос до шепота: – Я Марусю знаю, она девушка честная, никогда бы не стала связываться с чужим мужиком.

– Вот и я так думал. Но девка прямо на глазах чахнет, словно ее приворожил кто. По ночам спит плохо, ворочается, разговаривает во сне. Я хоть и в соседней комнате ночую, но все слышу. Может, ты с ней поговоришь? Я не умею нужные слова подбирать, а тебе она, глядишь, и расскажет все. Что думаешь?

– Я?! – Марсель не ожидал такого поворота и поэтому смутился: – Не знаю... Я все больше с бабами привык, знаешь. А с молодыми девками так и не научился общаться, не разумею я их. Да и кто лучше родного отца своего ребенка поймет? Нет, друг, не обижайся на меня, но я в этом деле тебе не помощник. Боюсь наломать дров – ты потом и сам мне благодарен не будешь.

– Эх, – погрустнул Степан. – Что ж мне делать с ней?

– А ты оставь как есть, – предложил историк. – Может, переберется. А там и любимый появится.

– Твои бы слова – да Макоши в уши. – Кузнец улыбнулся светлым мыслям и похлопал собеседника по плечу. – Ну, бывай. Спасибо тебе за то, что выслушал. Поговорил с тобой – и сразу как-то легче стало. Может быть, я действительно сам себе напридумывал всякого.

– Вот и ладно. – Марсель улыбнулся и, помахав мужику рукой на прощание, вышел за калитку...

Кузнец некоторое время смотрел ему вслед, а потом, вздохнув с видом человека, с плеч которого свалился большой груз, направился к кузнице, которая находилась тут же. Если бы он обернулся, то увидел бы, что дверь в избу была слегка приоткрыта – в небольшую щелку все это время за ними следили внимательные глаза Маруси. Девушка никогда не любила подслушивать чужие разговоры, но в этот раз ничего не смогла с собой поделать. Отец был прав, она действительно влюбилась, причем это чувство, как ей казалось, было безответным. Прежде она старалась как можно чаще попадаться на глаза Бала-мошке, но тот почему-то упорно не замечал ее. Или делал вид, что не замечает. В конце концов Маруся поняла, что не нужна любимому. Рассматривая свое отражение в пруду, она гадала, что же в ней не так. Разве не красивая? Вроде бы нет, все при ней. Глупая? Если бы у нее была возможность доказать, что это не так... Но она ведь не могла просто подойти к нему, чтобы поболтать. Что люди подумают? Промаявшись почти год, она потеряла всякий интерес к играм, перестала общаться с подругами, превратилась в настоящую затворницу. И ведь отца можно понять – он хоть и делает вид, что не хочет давить на нее, все же не может скрыть беспокойство. Это и понятно, ей уже шестнадцать, все ее сверстницы давно семьями обзавелись, некоторые даже успели родить. А она, к которой столько раз сватались парни со всех окрестных деревень, до сих пор в девках ходит. Что ж, вздохнула Маруся, значит, доля у нее такая. А не станет Баламошка на нее и впредь внимание обращать – так уйдет в капище, Сварогу невестой станет. Там ее уж точно никто не заставит от нелюбимого детей рожать.

Вытерев рукавом мокрые от слез глаза, девушка отошла от двери и, постояв в нерешительности некоторое время, села на лавку возле окна, где у нее хранились инструменты для рукоделия. Вытащив из небольшого сундука, который в свое время смастерил для нее отец, белую мужскую рубаху, она бережно развернула ее и взглянула на незаконченное украшение. Она трудилась над ним уже второй месяц, и работа была почти закончена – ни у кого в селище

не было одежды с такой тонкой вышивкой. Маруся втайне надеялась однажды преподнести этот подарок Баламошке. Может быть, тогда он поймет, что творится у нее в сердце?

* * *

Тем временем Марсель уже подошел к избе старосты и теперь с неодобрением наблюдал за кипучей деятельностью, которую Михайло развел во дворе. Всюду суетились мужики, которые выдергивали сорняки, чинили лавки и занимались, по мнению ученого, бесполезным украшательством. Хорошо, что они еще не додумались дорогого гостя с транспарантами встречать, усмехнулся историк, но тут же икнул от неожиданности – на воротах, которые прежде украшал трезубец, символизировавший строение мира, теперь красовался православный крест с дополнительными перекладинами в верхней и нижней частях.

– Ты что это тут учудил? – заметив хозяина дома, Марсель подошел к нему и кивнул в сторону ворот. – Зачем?

– А, Баламошка! – обрадовался Михайло. – Хорошо, что пришел. А мы здесь порядок наводим. Не нравится?

– Порядок – это ладно. Крест-то зачем? Или ты вдруг христианином сделался?

– Нет, конечно, – хитро прищурился староста. – Но никто ведь не знает, кто таков этот Кирилл, так что можно и приятно сделать человеку, верно?

– А заодно и себя не обделить, м?

– Не без этого, – потер руки Михайло. – А крест – это так, только на время. Вот уйдет наш грек в Киев, мы снова приведем все в должный вид.

Историк и не думал осуждать предусмотрительного мужика – ему нужно было в первую очередь думать о селище, а не о собственной гордыне. Так что его действия были вполне обоснованными, тем более что остальные вроде бы не возражали.

– А что, ты уже пришел посланника встречать? – удивился Михайло. – Не рановато?

– Думаю, в самый раз, – отозвался Марсель. – Я бы на твоём месте тоже поторопился. Некрасиво будет, если Кирилл придет прежде времени и застанет всю эту возню. Подумает, что мы только ради него порядок наводим, а сами живем в грязи.

– Это ты правильно говоришь, – засуетился староста. – Все, мужики! Расходитесь! Благодарность всем, не забуду.

Работники тут же бросили заниматься делами и, не споря, потянулись к выходу. Как только вышел последний из них, хозяин оглядел результаты их деятельности и с довольным видом подмигнул Марселю:

– Может быть, почаще гостей таких приглашать? А что? Мне нравится.

Рассмеявшись такой незатейливой хитрости, историк тем не менее покачал головой:

– Не стоит. Тебя быстро выведут на чистую воду.

– А жаль...

– Согласен. А куда Курьян запропастился? Он вроде бы хотел участвовать во всем этом. Или передумал?

– Какое там! – махнул рукой Михайло. – Я его за медовухой послал. Она у него, сам знаешь, самая забористая на всю округу. Другой такой днем с огнем не сыщешь.

– Это правда. – Курьяновский напиток действительно ни в какое сравнение не шел с той медовухой, что готовили в доме старосты. Мужики не раз пытались выведать у него секрет, но тот лишь отшучивался. – А вот и он, легок на помине.

Как раз в это время в воротах показалась могучая фигура Курьяна, который, пытаясь, тащил два здоровенных глиняных сосуда, которые, судя по его покрасневшему от напряжения лицу, были полны до краев. Опустив ношу на крыльцо, он потянулся, чтобы размять спину, и весело кивнул Марселю:

– А ты говорил, что не нужен я здесь. Еще как нужен!

– Признаю ошибку, – улыбнулся историк и обратился к Михайло: – А что, посланник-то один приедет? Или его сопровождать кто будет?

– Такие люди в одиночку не путешествуют, – отозвался староста. – Мне человек из Киева сказал, что с ним охрана едет, несколько всадников. Правда, кажется мне, что брешет он.

– Чего так?

– Так он мне по секрету поведал, что всадники эти лицом черные... Видимо, мавры. Что они у нас забыли? А еще, говорят, лицо самого посланника этого под маской скрыто. Что под ней – это никому не известно. Может быть, и не человек он вовсе.

– Не говори глупостей, – со смехом отмахнулся историк. – Обычная мера предосторожности. Или для пущей важности. Смотри, вот я такое же нацепил на себя – что, в чудище какое превратился?

Марсель взял с лавки оставленную кем-то из детей маску Велеса с прорезями для глаз, изготовленную из древесной коры, и взглянул на собеседника.

– Ну как?

– То другое... – протянул Михайло.

Он хотел еще спросить о чем-то, но вдруг его отвлек какой-то шум. Староста уже хотел выйти за ворота, но в этот момент во двор вбежал запыхавшийся Мефодий и возбужденно замахал руками:

– Едут! Едут!

– Как? Кто едет? – ахнул Михайло.

– Посланник едет! – Мужик сделал круглые глаза. – А с ним на лошадях люди с такими черными лицами, что страшно становится! А сам-то...

– Почему так рано? – засуетился хозяин, перебивая рассказчика. – Рано же!

– А я говорил, – спокойно улыбнулся Марсель, хотя тоже ощутил волнение перед встречей со священником. – Но не беспокойся. Лучше встречай дорогих гостей.

– Да, да, ты прав.

С помощью Курьяна староста распахнул настежь тяжелые деревянные ворота – и сделал это вовремя, потому что к этому моменту вся процессия, сопровождаемая толпой любопытных зевак, уже достигла пункта назначения и теперь стояла напротив дома старосты. Столкнувшись взглядом с чернокожим всадником, который, судя по всему, был начальником охраны, Михайло вдруг оробел – настолько тот имел устрашающий вид. Поняв, что тот готов сесть в лужу, Марсель пришел на выручку. Отгеснив старосту, он поприветствовал гостей и жестом пригласил их войти:

– Добро пожаловать! Кони вам уже ни к чему, можете оставить их здесь – их накормят и напоят.

Было непонятно, понял ли всадник его слова или просто сориентировался в ситуации, но уже в следующий момент он подал знак своим людям и сам легко спрыгнул с лошади, при этом продемонстрировав саблю, изогнутую по типу арабского шамшира. Заметив, с какой грациозностью он передвигается, Марсель подумал, что не хотел бы иметь его среди врагов. Однако уже в следующий миг внимание историка привлек новый персонаж: наряд посланника, состоявший из широкой накидки темного цвета, не позволял угадать ни его возраста, ни комплекции – он с одинаковой долей вероятности мог быть как стариком, так и совсем молодым человеком. Лицо также было скрыто под капюшоном. Когда эта таинственная личность прошествовала мимо него в дом, Марсель постарался, словно невзначай, заглянуть под капюшон, но не смог ничего рассмотреть.

Прежде чем завести хозяина в избу, глава службы безопасности, как его успел мысленно окрестить Марсель, послал туда двух помощников, и только после того, как они подтвердили, что все в порядке, сделал знак священнику – можно войти. Историк не ожидал таких предо-

сторожностей, и был неприятно удивлен, когда слуги Кирилла ощупали его с ног до головы, не стесняясь прикасаться к самым интимным местам.

– Ну, хватит уже! – вскипел он наконец, когда один из мавров принялся ощупывать его ягодицы. – Не дома у себя небось!

Тут же из хаты показался начальник охраны и взглянул на подчиненного. Тот подошел к нему и что-то проговорил вполголоса. Внимательно выслушав его, телохранитель Кирилла нахмурился и довольно внятно проговорил, немного коверкая русские слова:

– Повиноваться должен.

– Кто, я? – Марсель удивился собственной смелости, его почему-то взбесила рабская покорность, с которой тот же Михайло позволял осматривать себя перед своим же домом. – А кто ты такой, чтобы я тебе повиновался? Женой управляй, умник!

Разозлившись, историк добавил про себя несколько ругательств, смысл которых вряд ли мог быть понятен присутствующим, и развернулся, чтобы уйти. Староста попытался остановить его, но он только раздраженно отмахнулся. Направляясь к выходу, он вдруг обнаружил, что в суматохе совершенно забыл о том, что так и не снял с себя маску Велеса, и усмехнулся, представив, какое впечатление мог произвести его внешний вид на гостей. Он уже собирался снять ее, но в этот момент услышал, как кто-то окликнул его:

– Постой!

Остановившись возле ворот, Марсель обернулся и заметил, что в дверном проеме показалась фигура в темных одеяниях. Охранники тут же расступились в стороны и опустили голову. Тем временем посланник вытянул перед собой руку и поманил ученого:

– Заходи. Муса погорячился. Он очень исполнительный, но иногда не знает меры в своем усердии. Мне сказали, что ты тот, кто будет развлекать меня беседами. Что ж, начало мне уже нравится. Думаю, будет забавно.

Голос не принадлежал старику, но и молодой человек не мог быть его обладателем. Скорее всего, они с Кириллом были ровесниками. Что ж, это даже хорошо – будет легче найти общий язык. Не раздумывая больше, он прошел в дом. Оказавшись в знакомой обстановке, Марсель немного расслабился и, не дожидаясь приглашения, опустился на лавку, которая стояла рядом со столом. Гость все еще скрывал лицо, однако по его движениям было видно, что он чувствует себя здесь совершенно свободно; подойдя к столу, он несколько секунд рассматривал угощения, которые приготовил для него Михайло, а затем, не оборачиваясь, вдруг обратился к ученому:

– Почему ты не повиновался моему слуге?

– А должен был?

– Я так думал.

– Я и тебе подчиняться не должен, что мне твой слуга? – Историк решил придерживаться прежней стратегии, которая уже сослужила ему добрую службу, и говорить искренне.

– Забавно, забавно...

– Что именно?

– Речи твои так не похожи на местных.

– Чем же?

– Они – люди неиспорченные, в каком-то смысле наивные. Для них свобода – естественное состояние, так что, если ее отнять, они сначала даже не заметят этого. Это я про твоего друга говорю. Он ведь местный староста, если я не ошибаюсь?

– Ты противоречишь сам себе.

– Нисколько. Если человек не допускает мысли о том, что кто-то покусится на его свободу, он до последнего будет верить в то, что просто что-то не так понял.

– Странные речи для православного христианина.

– А много ли ты знаешь о христианстве?

– Достаточно.

– Даже так?

Марселю показалось, что в голосе собеседника прозвучало удивление, однако уже в следующий момент священник снова заговорил прежним тоном:

– Откуда же тебе, друг мой, известно о нас? На путешественника ты не похож. И, судя по всему, не жрец.

– Я любознателен.

– Это я вижу. А еще я вижу, что тебе здесь не место. Так кто же ты?

Это заявление не понравилось ученому. Он подумал, что слишком увлекся самолюбованием и впредь стоит быть осторожнее. Кирилл искусно сыграл на его самолюбии, выделив среди прочих, и теперь, по всей видимости, решил, не откладывая дела в долгий ящик, вывести его на чистую воду. Неужели он производил впечатление настолько глупого человека? Откашлявшись, Марсель представился:

– Меня здесь прозвали Баламошкой.

– Странное имя.

– Какое есть. И – да, я действительно не здешний, пришел всего год назад.

– А до этого? – Перемена в собеседнике не осталась незамеченной, и теперь голос из-под капюшона звучал озадаченно.

– Не помню, – пожал плечами Марсель. – Память напрочь отшибло.

– Ты знаешь, почему я попросил тебя остаться? – Получив необходимый объем информации, священник, похоже, расслабился и заговорил совершенно обыденным тоном.

– Потому, что я не такой, как все? – пожал плечами Марсель.

– Каждый из нас отличается от других, у Бога богатое воображение. Но еще меня заинтересовала твоя маска. Зачем она тебе?

– Шутки ради.

– Значит, ты не скрываешь лицо?

– Нет, конечно.

Сняв с себя изображение Велеса, историк предстал перед собеседником в своем истинном облике и удивился, когда тот рассмеялся с довольным видом.

– Что так развеселило тебя?

– Сейчас увидишь.

Марсель с любопытством наблюдал за тем, как мужчина медленно повернулся к нему и, подняв руки, откинул капюшон. Под ним оказалась маска, скрывавшая большую часть лица. Видя нетерпение собеседника, священник усмехнулся и снял этот последний атрибут таинственности. В следующий момент историк даже зажмурился на секунду – Кирилл внешне оказался так сильно похож на него, что мог бы сойти за его брата-близнеца. Конечно, при более детальном рассмотрении между ними можно было найти достаточно различий, однако сходство было очень сильным. Присмотревшись, Марсель даже присвистнул от удивления: на правой щеке Кирилла он заметил такой же шрам, как и на своем лице.

– Поразительно, – прошептал историк и добавил, обращаясь к Кириллу, который с улыбкой смотрел на него:

– А что же, святой отец, у тебя на лице? Свой шрам я заработал, когда крышу чинил. Почему-то мне кажется, что ты такими делами не занимаешься.

– Ты прав. – Положив маску на стол, странник сразу стал похож на самого обычного человека, чем сильно порадовал Марселя. – К ремеслу я не приучен. Однако и священником был не всегда.

– Кем же ты был до инициации?

– Ого, – прищурился Кирилл. – Такие слова редко можно услышать от язычника.

Поняв, что сболтнул лишнее, историк поджал губы и сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Помолчав несколько секунд, священник понимающе кивнул и ответил на вопрос:

– Скажем так, в прежние времена я владел мечом лучше, чем кадилом.

– Наемник? Неужели? – Марсель был удивлен таким поворотом и теперь пытался по-новому оценить человека, который сидел напротив. – И почему же...

– Почему я решил изменить свою жизнь? Были на то причины. Но все это уже не важно. Главное – что я в конце концов пришел к Богу.

– И теперь несешь его слово повсеместно?

– Можно и так сказать. Пути Господа неисповедимы, и никто не знает, к чему приведет то или иное наше решение.

– То есть человек предполагает, а Бог располагает. – Марсель вернул известное с детства клише.

– Мудрые речи, – похвалил его Кирилл. – Я все больше склоняюсь к мысли, что мы встретились не случайно. Кто бы мог подумать, что здесь, в варварской стране, я найду такого просвещенного человека?

– Да, я тоже поражен.

Историк пытался представить себе последствия, которые может иметь эта встреча для человечества. Вообще, все происходящее ставило его в тупик. Он в какой-то мере, как и большинство его коллег, был фаталистом и искренне верил в то, что ничто и никогда не случается без причины. Вот и сейчас он старался понять, зачем все это происходит с ним, и не мог найти ответа. В конце концов Марсель решил, что лучшее, что можно сделать, – это оставаться сторонним наблюдателем.

– А что, – обратился он к Кириллу, – во многих сражениях ты участвовал?

– Крови, которую я пролил, хватило бы для того, чтобы наполнить сотню таких кувшинов, – священник кивнул в сторону медовухи.

– И ты не боишься?

– Чего?

– Попасть в ад за все, что сделал.

– Нет, – с довольной улыбкой ответил Кирилл. – Наш Бог великодушен, он знает, что я искренне раскаялся в содеянном. Все мы рабы его, но не все еще об этом знают.

– А ты, значит, хочешь до всех донести эту мысль?

– Меня удивляет и огорчает твой насмешливый тон, – нахмурился священник.

– Извини, я не хотел обидеть тебя. – Марсель постарался, чтобы его голос звучал максимально доброжелательно. – Скажи, а почему ты решил направить стопы в наши края? Дорога ведь не самая близкая. Неужели не нашлось менее далекой цели?

– Мы не ищем легких путей.

Чтобы собраться с мыслями, историк поднялся и наполнил медовухой кружки – свою и Кирилла.

– Надеюсь, рабам Божьим позволено немного выпить?

– Что это? – Гость с подозрением посмотрел на предложенное угощение, понюхал его, но пить не стал.

– Местный напиток, очень вкусный, рекомендую. Называется медовуха.

– Аромат достойный.

– Вкус еще лучше.

– Пожалуй, я воздержусь. – Кирилл отодвинул от себя кружку. – Я привык к вину.

– Зря, ты не знаешь, от чего отказываешься. – Марсель с удовольствием сделал несколько больших глотков.

– Я переживу.

– Как хочешь, настаивать не стану. Разве Бог не запрещает потребление вина?

– Ты путаешь нас с латинянами, – улыбнулся священник. – Это у них чего ни хватись – все запрещено. Мы же считаем, что Господь сотворил этот мир нам на радость. Значит, и вино – часть его великого замысла.

– Прекрасная позиция!

– Да, и мне искренне жаль, что здесь не развито виноделие.

– Всему свое время.

Марсель вспомнил полки в супермаркетах, ломящиеся от различного алкоголя, и представил себе, как сильно удивился бы его собеседник, окажись он в его мире. Будет тебе и вино, голубчик, подумал историк, и много чего еще, о чем ты даже представления не имеешь.

– Чему ты улыбаешься? Поделись мыслями, повеселимся вместе.

Заметив, что Кирилл внимательно наблюдает за его мимикой, историк смущенно крякнул и развел руками:

– Я подумал, что было бы забавно наладить поставку медовухи в Византию – глядишь, вся греческая церковь перешла бы на наш напиток. А там, возможно, мы смогли бы лучше понять друг друга, и тебе было бы легче выполнить поручение твоих повелителей.

– Что ты можешь знать о моих целях? – удивился священник.

– Да уж не вижу здесь никакой тайны. – Марсель решил, что нет смысла скрывать очевидное. – Твоя церковь сегодня переживает не лучшие времена – со всех сторон ее атакуют то одни, то другие. И конца-края этой войне не видно. Так почему бы не обзавестись таким сильным союзником, как Владимир?

– Ты далеко заглядываешь, – задумчиво проговорил Кирилл. – Возможно, все так, как ты говоришь, но не мне это решать. Скажи лучше, откуда в твоей голове такие мысли. Неужели росы все так думают?

– Нет, конечно. Люди здесь, как ты сам только что говорил, неиспорченные и чистые душой. Идеальная паства для тебя. Живут в гармонии с природой, молятся своим богам и радуются жизни.

– Это называется идолопоклонство, – заметил священник. – Богопротивное дело.

– Пусть так. Но это твой Бог, не их. Пока, во всяком случае. Впрочем, я понимаю тебя и не сомневаюсь в твоей искренности. Я уверен, что ты действительно хочешь спасти всех этих людей от геенны огненной. Так почему бы заодно и не поправить дела твоей церкви?

Кирилл ничего не ответил на эти слова, а только нервно забарабанил пальцами по деревянной поверхности стола. Было видно, что ему не нравилось направление, которое принял разговор, однако он никак не мог решить, стоит ли ему одернуть зарвавшегося собеседника или постараться переубедить его. С другой стороны, он понимал, что в таком случае придется врать и изворачиваться, а ему этого совершенно не хотелось. Общество Марселя оказывало на него странное действие – обычно самоуверенный, теперь он терялся и не мог собраться с мыслями. Проблема была в том, что этот странный человек был слишком хорошо информирован и нисколько не походил на своих соплеменников, с которыми Кириллу приходилось общаться прежде.

Сам странник родился неподалеку от того места, где находился сейчас. Он был сыном местного целителя, ведаря, как его называли в народе, и его захватили враги во время набега еще в раннем детстве. Он переходил из рук в руки, пока однажды не стал собственностью состоятельного константинопольского чиновника. К этому времени он уже был способен держать в руках оружие, к тому же отличался ловкостью и сообразительностью. Это, а еще знание языка росов и определило его дальнейшую судьбу. Привыкший подчиняться, он ни секунды не раздумывал, когда ему приказали биться с представителями собственного народа, когда те атаковали Византию. И, несмотря на то что война, по большому счету, была проиграна, его таланты не остались незамеченными. Он получил свободу и даже достиг определенного положения, так что к моменту судьбоносной встречи с человеком, приведшим его к Богу, он вполне

мог позволить себе безбедную жизнь до конца своих дней. Однако у неба, как оказалось, были на него другие планы.

Проникнувшись христианскими идеями, Кирилл ужаснулся пролитой им крови и решил посвятить всего себя служению церкви, сделавшись самым верным ее последователем. До встречи с Марселем его вера была непоколебима – главным образом потому, что он, как ему казалось, знал ответы на все вопросы. Теперь же Кирилл был смущен, возможно, впервые за последние несколько лет. И дело было даже не в том, что его собеседник вел богохульные речи – нет, он был вполне почтителен и не сказал ничего, что можно было бы расценить как ересь. Но он, задавая вопросы, сам же на них и отвечал, зачастую даже говоря больше, чем знал сам Кирилл. При этом делал это как бы между прочим, словно речь шла о чем-то естественном и общеизвестном.

– Скажи-ка мне, друг мой, – обратился священник к собеседнику, который, допив напиток, поднялся, чтобы налить еще, – не хотел бы ты отправиться со мной к князю? Думаю, мы могли бы быть полезны друг другу.

– Что? – Марсель поперхнулся и постучал себя по груди, чтобы восстановить дыхание. – Ты хочешь, чтобы я сопровождал тебя?

– Да, именно так. Я вижу, что ты человек большого ума. Я тоже не глупец. Так почему бы нам не постараться вместе сделать этот мир лучше?

Прозвучавшее предложение в первый момент показалось ученому настоящим безумием, однако выглядело оно заманчиво. А что? Селище, конечно, – это хорошо, но не слишком ли быстро он смирился с тем, что закончит здесь свои дни? Не пора ли двигаться дальше? Перспектива увидеть собственными глазами древний Киев, окунуться в гущу событий, о которых он столько читал еще в бытность свою студентом, так сильно потрясла его, что он с трудом сдержался, чтобы не расцеловать собеседника. Однако ему удалось вовремя взять себя в руки, и Марсель, изобразив на лице сомнение, ответил:

– Мне нужно подумать. Хозяйство, сам понимаешь, к тому же я здесь человек нужный, без меня Михайло сложно будет.

– Кто это – Михайло?

– Наш староста, мы сейчас в его избе находимся, пока он снаружи топчется.

– Ах, тот... – Кирилл беззаботно махнул рукой. – Ничего, потерпит.

– Вот видишь, как ты уже на людей смотришь, свысока. А ведь гордыня – это грех, если я не ошибаюсь.

– Ты прав. И чем дальше я тебя слушаю, тем более убеждаюсь в том, что мне нужен такой человек, как ты.

– Зачем?

– Чтобы вовремя напоминал мне о том, кто я такой.

– Совесть?

– Можно и так сказать.

– А твои охранники как к этому отнесутся? – Марсель решил прояснить все вопросы на берегу, прежде чем кидаться в омут с головой. – Мне показалось, что твой телохранитель не проникся ко мне особой любовью.

– Ты сейчас говоришь о Мусе? – уточнил Кирилл. – Не переживай по его поводу. Его верность не вызывает у меня сомнений. К тому же служит он не мне, а Господу нашему.

– Хочешь сказать, что он христианин?

– Да, Муса – крещеный. Для Бога нет ничего невозможного.

– А остальные?

– Такие же. Так что, как видишь, наша небольшая процессия вполне может увеличиться еще на одного путника. Муса не станет возражать – ему было поручено сопровождать меня и оберегать, остальное его не касается.

– Я могу взять с собой кого-нибудь? – Марселью пришло в голову, что было бы неплохо иметь рядом с собой верного союзника на случай, если что-то пойдет не так.

– Конечно, почему бы и нет? Но я должен предупредить тебя сразу, что тебе придется скрывать свою внешность.

– К чему такая таинственность?

– Наша миссия сопряжена с множеством опасностей, и если вдруг нам придется уезжать в спешке, то будет лучше, если никто не будет знать нас в лицо.

– Неужели ты никогда не снимаешь маску? – Это предположение показалось ученому невероятным, однако Кирилл утвердительно кивнул в ответ.

– Никогда. Во всяком случае, на людях. Даже Муса не знает, как я выгляжу, он видел меня только однажды, очень давно. Это предосторожность, с которой нам приходится мириться.

– То есть если твой телохранитель увидел бы тебя сейчас, то не узнал бы?

– Точно так.

– Не боишься?

– Нисколько. При желании я всегда смогу доказать ему, что я – это я.

– Условный знак?

– Лучше. – И Кирилл продемонстрировал собеседнику массивный перстень с печатью, который красовался на его указательном пальце. – Муса не самый разговорчивый малый, так что мы с ним почти не общаемся.

– Как же ты отдаешь ему приказы?

– Меня и самого это иногда удивляет, – пожал плечами священник. – Но он ни разу еще не подвел меня. Так что скажешь? Запасные лошади у нас есть...

Прежде чем ответить, Марсель некоторое время размышлял о том, чем ему и Курьяну, которого он намеревался взять с собой, могло грозить подобное путешествие. За себя он не беспокоился, но подвергать опасности жизнь другого человека он не был готов. С другой стороны, его друг был, как и он сам, бобылем и почти ничем не был привязан к селищу, если не считать его любимой медовухи. В какой-то момент в голове историка промелькнула мысль о Марусе, но он тут же отогнал ее. Наконец историк принял решение и кивнул Кириллу, который все это время внимательно за ним наблюдал:

– Я согласен.

– Прекрасно!

Священник даже не пытался скрыть радость, которую ему доставила эта новость. Он и сам не до конца понимал, к чему ему эта лишняя забота, но почему-то был уверен в том, что встреча с Баламошкой произошла не просто так и что этот человек сыграет значительную роль в его судьбе. А пока он просто встал и обнял нового спутника, поднявшегося ему навстречу.

– Ух, я разволновался, – признался Марсель, который действительно чувствовал, что его всего трясет от возбуждения перед предстоящим путешествием.

У него голова шла кругом от картин, которые рисовало воображение, и он налил себе еще напитка. Наблюдая за ним с улыбкой, Кирилл неожиданно сказал:

– Пожалуй, и я ради такого случая отведаю вашего напитка. Конечно, это не вино, но, кто знает, возможно, он не так плох, как я думаю.

Взяв со стола кружку, он поднял ее и с торжественным видом произнес:

– За грядущее!

– Воистину, – отозвался Марсель, и мужчины дружно осушили сосуды.

Медовуха оставляла богатое послевкусие, и Кирилл, держа пустую кружку в руках, некоторое время стоял, причмокивая губами от удовольствия.

– Очень вкусно, – заявил он наконец. – Думаю, от такого угощения не отказался бы даже сам император.

– Скажи, а где ты так научился по-нашему болтать? – спросил Марсель.

– Я родился в этих краях, – отозвался священник. – Мое детство прошло здесь. Но это длинная история, о которой сейчас...

Не договорив, он замолк на полуслове. Его лицо вдруг приобрело бордовый оттенок, глаза расширились, и уже в следующее мгновение Кирилл, схватившись за грудь, рухнул на деревянный пол. Глядя на то, как священник корчится в конвульсиях у его ног, Марсель замер – мозг отказывался принимать и обрабатывать информацию, он почувствовал, как живот свело судорогой, а ноги словно налились свинцом. Пересилив себя, он бросился на помощь человеку, который терял сознание – глаза Кирилла закатились, а из груди вырывался свист.

– Это не я! – зачем-то торопливо зашептал историк, в отчаянии пытаясь привести Кирилла в чувство. – Не я, честно слово! Ну же, давай, голубчик... А, черт!

Голова священника запрокинулась, все тело свела последняя судорога, и он, дернувшись, замер. Не веря в то, что все это происходит наяву, Марсель схватил священника за грудки и сильно встряхнул, однако это ни к чему не привело, если не считать того, что зубы Кирилла лязгнули, а изо рта вытекла струйка слюны. Историк понимал, что его недавний собеседник уже мертв, однако не желал в это поверить. Все произошло слишком быстро и неожиданно. Теперь, сидя на полу, он впал в ступор, и в его голове творилось нечто невообразимое.

– Нет, этого просто не может быть, – пробормотал Марсель. – Быть не может. Как это... О, черт!

Он представил себе реакцию охранников Кирилла, когда они увидят, что случилось с их хозяином. Вряд ли Муса станет разбираться в ситуации и зарубит его без разговоров.

* * *

Итак? Посланник греческой церкви не доедет до Владимира, никакого союза с Византией не случится, история пойдет иным путем, и совершенно непонятно, к чему все это приведет. Что же он натворил? Стоп... А почему, собственно, он? Историк наконец удалось взять себя в руки, и он постарался взглянуть на ситуацию трезво. Этого не должно было произойти, факт. Как, собственно, и его не должно было быть здесь.

Но он ни в чем не был виноват – напротив, даже поддерживал священника в его начинаниях. Что же пошло не так? Кто вмешался? В памяти всплыли угрозы Курья-на, который хотел намешать всякой гадости в свою медовуху. Точно! Как же он сразу не подумал об этом? Нужно срочно допросить этого идиота. Может быть, еще удастся спастись. Но как это сделать, не привлекая внимания Мусы? Историк растерянно огляделся, и его взгляд упал на маску Кирилла, которую тот оставил на столе. Мысль занять место мертвеца в первый момент показалась ему дикой, но, обдумав ее, он пришел к выводу, что это был едва ли единственный выход.

Действуя скорее на автомате, чем осознанно, мужчина раздел священника, ежеминутно бросая опасливые взгляды на дверь, и облачился в его одежду. Вспомнив о перстне, он, поморщившись, стянул его и надел на собственный палец. После этого с трудом натянул на тело покойника свои вещи и, кряхтя, затащил его на полати, повернув лицом к стене. Со стороны казалось, что мужчина просто спит. Внимательно осмотрев место происшествия в поисках чего-нибудь, что могло бы выдать его, Марсель, выдохнув, нацепил на лицо маску. Его немного мутило от сознания того, что этот предмет принадлежал покойному, но он быстро справился с подступающей тошнотой и, не оставив себе времени на сомнения, открыл дверь. Охрана, стоявшая по обе стороны от входа, вытянулась, заметив его, а Муса, который в это время прогуливался по двору, остановился и вопросительно взглянул на него. Обведя взглядом присутствующих и заметив стоявших с хмурым видом Михайло и Курьяна, Марсель вытянул руку и поманил их пальцем, стараясь сделать это так, чтобы телохранителю был виден перстень. Мужики нерешительно переглянулись, но не сдвинулись с места. Тогда Муса нетерпеливо топнул ногой и указал им на дверь, что, вероятно, должно было поторопить их в принятии реше-

ния. Вздыхнув, староста сделал знак Курьяну следовать за ним и направился к дому. Судя по его понурому виду, он больше не испытывал особой радости от чести принимать такого высокого гостя. Ничего, подумал историк, то ли еще будет.

Кивнув Мусе, он вернулся в дом и встал в центре комнаты, дожидаясь, пока мужики закроют за собой дверь. Оказавшись внутри, Курьян бросил удивленный взгляд на полати, на которых, как ему показалось, спал его друг, и успел сделать в его направлении несколько шагов, когда Марсель схватил его за руку и злобно зашипел:

– Ты что натворил, засранец?

– Что? – испуганно отшатнулся здоровяк.

Поняв, что мужик не узнал его, Марсель откинул капюшон и сдернул с лица маску, представ перед пораженными мужиками в привычном обличье.

– Я спрашиваю, что ты подмешал в медовуху?

– Ничего, – захолопал ресницами Курьян, в то время как Михайло, сразу поняв, в чем дело, кинулся к неподвижному телу. Уже спустя секунду он издал страдальческий стон и отшатнулся от мертвеца, схватившись за голову.

– Ой-ой-ой, что ж делается такое?! – Староста в отчаянии взъерошил волосы и круглыми от ужаса глазами взглянул на Марселя: – Баламошка, это ты сделал?

– Нет, конечно, – отозвался историк. – Ты лучше вот у этого умника спроси, почему так вышло, что грек ваш, как только его медовухи хлебнул, как тут же и дуба дал.

Растерявшись под взглядами друзей, Курьян отступил на несколько шагов и наконец взмолился:

– Братцы... Я ни сном ни духом, правда!

– Тс-с-с! – Марсель приложил палец к губам, оглянувшись на дверь, и обратился к Курьяну: – Не ты хотел навоза накидать в медовуху? Признавайся, что ты туда добавил?

– Ничего! – зашептал в ответ Курьян. – Мы же договорились, забыл? Да и никому еще не повредил навоз. Так что если бы я даже решил его туда набросать, то ничего бы не случилось.

– И то верно, – вступился староста за мужика. – Ты посмотри на него – лицо синюшное, будто его отравили чем-то.

– Как его могли отравить, если мы с ним пили одно и то же?! – Марсель произнес это громче, чем хотел, и зажал себе рот ладонью. – Нет, это не яд.

– Что же тогда? – подался вперед Курьян.

Вместо ответа, историк подошел к покойнику и еще раз взглянул на его лицо, на котором застыло последнее болезненное выражение, словно он до сих пор пытался вдохнуть. Внезапно Марселю стало ясно, что произошло, однако от понимания причин смерти Кирилла он не почувствовал никакого облегчения.

– Это анафилактический шок, – пробормотал историк, устало опускаясь на лавку.

– Чего? – не понял Михайло.

– Аллергия у него была, вот что.

– Все равно не понимаю.

– Не мог он переносить или мед, или хмель, или их сочетание. Так – понятнее?

– Надо же, беда какая. – Староста покачал головой и осторожно опустился рядом с Марселем. – А что теперь делать-то? А, Баламошка? Наверное, нужно этим черненьким-то рассказать обо всем, да? А то не по-людски как-то.

– Конечно, – криво усмехнулся историк. – Иди сообщи. Может быть, пока они тебя рубить будут, мы с Курьяном успеем убежать. Иди-иди.

– Зачем меня рубить? – испугался Михайло.

– А ты думаешь, они станут разбираться в том, кто прав, а кто виноват? Пискнуть не успеешь, как они тебе башку оттяпают. Нет, нужно что-то другое придумать.

Курьян подошел к полатам и, стараясь не прикасаться к покойнику, наклонился над ним. Когда он выпрямился, на его лице было странное выражение.

– Что? – вздохнул Марсель.

– Я тут подумал... – начал мужик. – Раз уж так вышло, то, может быть, тебе и дальше им притворяться? Нет, ты не подумай ничего такого, я не хочу, чтобы ты за всех отдувался. Но другого выхода у нас вроде бы нет. Как считаешь?

– Что ты такое несешь? – накинулся было на Курьяна староста, но Марсель его остановил:

– Он прав. Выбирать нам на самом деле не приходится. Я уже и сам думал об этом, но все никак не решался. Похоже, мне придется некоторое время побыть Кириллом, посланником греческой православной церкви, тут уж ничего не поделаешь.

– А и делать ничего не нужно, – возбужденно зашептал Курьян, присаживаясь рядом. – Нацепишь опять на лицо эту штуку, и тебя никто не признает. Я сейчас посмотрел на покойничка, так он один в один ты. Даже шрам на щеке есть. Роста вы одинакового, так что на первое время сойдет. А по пути сбежишь, а? До Киева целый день ехать, представится случай. Остановитесь где-нибудь, скинешь одежды – и никто тебя не узнает, пойдешь своей дорогой. Как считаешь?

Выслушав доводы, Марсель кивнул, думая о своем. Все это, конечно, было хорошо – и даже вполне могло сработать, если ничем себя не выдать по глупости. Но Курьян не знал главного: Кирилл был нужен Киевской Руси. Без него все могло пойти в совершенно в другом направлении. Конечно, новый путь мог оказаться и более удачным, но этого никто не мог сказать наверняка. Так что нет, друг мой, подумал историк, придется мне идти до конца. И не мне одному.

– Вот что, – наконец кивнул он. – Сделаем так, как ты сказал. Но внесем некоторые изменения.

– Какие? – Мужики склонились над столом.

– Курьян, ты поедешь со мной. Одному мне не справиться.

– Если так нужно... – было видно, что здоровяк не был в восторге от этой идеи, однако спорить не решился.

– И еще. Убегать мы не станем.

– Как?! – Курьян отшатнулся, но историк схватил его за рукав и притянул к себе.

– А вот так. Будешь делать, как я говорю. Кирилл вез нашему князю важные новости, от которых зависят многие жизни. Не доедет он – не получит Владимир весточки, а там, того и гляди, кровь прольется человеческая. Мы ведь не хотим этого?

– Откуда тебе все это известно? – Михайло нахмурился и раздраженно шикнул на Курьяна, который попытался возмущаться такому неуважительному к себе отношению.

– Он рассказал. – Марсель кивнул в сторону мертвеца. – Еще он предлагал мне с ним отправиться к князю, так что мы, можно сказать, выполним последнюю волю покойного.

– А если князь поймет, что мы самозванцы? – спросил Курьян. – Даже если нам удастся провести этих мавров... Представляешь, что с нами тогда будет?

– Значит, нужно сделать так, чтобы он ничего не понял, – отозвался Марсель, в голове которого уже начал вырисовываться план действий. – Не переживай, со мной не пропадешь.

– Ну, конечно, – усмехнулся мужик. – Ты ведь у нас знаток традиций.

– А я и не должен им быть, – возразил историк, не обращая внимания на ироничный тон друга. – Кирилл ведь им не был, верно? А что говорить Владимиру, я и так знаю, не бойся.

– И что же?

– А вот это не твоего ума дело. Не обижайся, придет время, и ты обо всем узнаешь.

– Надеюсь...

В помещении повисла тяжелая тишина. Каждый думал о своем. Марсель – о том, как обмануть бдительную охрану и сделать так, чтобы князь не изменил решения о крещении Руси. Курьян – о том, что не выдержит долго без медовухи. Ну а Михайло совершенно не к месту сожалел о том, что селище лишится, пусть и на время, единственного, кто мог совладать с бабами. Наконец историк решительно поднялся и взял в руки маску.

– Значит, так тому и быть. Вы сейчас идете по домам, а утром, на самом рассвете, чтобы были здесь оба.

– Так я вроде бы... – Староста растерянно развел руками в стороны.

– Переночуешь где-нибудь, – нетерпеливо нахмурился Марсель. – Ты, Курьян, возьми с собой только самое необходимое. В седле тебе приходилось сидеть?

– Управлюсь как-нибудь, – буркнул мужик.

– Хорошо. Значит, берешь с собой что нужно и ждешь у ворот. Михайло, ты будь готов организовать нам почетные проводы, чтобы ни у кого и мысли не возникло о том, будто что-то пошло не так. Помнишь, как встречал гостей дорогих? Вот, и проводишь не хуже.

– Сделаю.

– Потом будет самое сложное для тебя. Когда мы уедем, никого не пускай в избу. А когда все разойдется, похороны покойника. Найди укромное место и сделай так, чтобы никто его не нашел.

– А ты?

– Что – я?

– Что остальным сказать по поводу твоего исчезновения? Люди ведь не слепые, спрашивать начнут.

– Скажи, что нет меня больше. Уехал. Вспомнил, откуда и кто такой, – и уехал домой.

– Ни с кем не попрощавшись? – удивился староста. – Не поверят.

– Сделай так, чтобы поверили. Скажи, что человеком я оказался поганым, или что окончательно с ума спятил. Бешеная баба меня покусала. Придумай что-нибудь.

– Добре.

В голосе Михайло не было уверенности, но Марсель подумал, что он сделает все как нужно. Несмотря на то что староста никогда не отличался особой смелостью, мужиком он был хозяйственным, и, если дело касалось доверенного ему селища, всегда старался сделать все лучшим образом, иногда даже в ущерб собственным интересам.

– Тогда обнимемся, потому что утром у нас не будет такой возможности, – неожиданно расчувствовался историк, представив, чем рискуют его друзья ради призрачного дела, суть которого была понятна только ему одному.

После этого Марсель надел маску, опустил на лицо капюшон и проводил мужиков до двери. Выглянув во двор, он кивнул Мусе и вернулся в дом.

– Спать? – окликнул его телохранитель.

– Спать, – не оборачиваясь, ответил он и захлопнул дверь.

Снова оказавшись в доме, Марсель вдруг почувствовал, что его начинает колотить. Уверенность, с которой он только что объяснял друзьям положение дел, исчезла, и теперь ему самому требовался человек, который мог бы его успокоить. Однако такой роскоши он не мог себе позволить, и поэтому, сделав несколько глубоких вдохов, постарался взять себя в руки. Соседство покойника беспокоило его меньше всего. Только один раз он подошел к телу и на всякий случай попытался нащупать пульс, однако тут же махнул на это дело рукой – Кирилл был мертв, в этом не было никаких сомнений.

* * *

В том, что этой ночью не уснет, Марсель даже не сомневался. Слишком многое ему нужно было обдумать. Историк сильно жалел о том, что у него не было возможности пробраться в избу – записная книжка очень пригодилась бы ему. Он не привык держать в голове большие объемы информации и поэтому боялся забыть какую-нибудь важную деталь в самый ответственный момент. Итак, что он знал? Крещение Руси должно было вот-вот состояться. Так, во всяком случае, было принято считать в научных кругах. Правда, существуют данные о том, что христианство появилось здесь намного раньше, но у него не было возможности проверить верность таких утверждений. Перед тем как принять православную веру, Владимир встречался с представителями других конфессий, но или они его чем-то не устроили, или Кириллу удалось внушить ему мысль о том, что его вера чем-то лучше. После этого... Марсель изо всех сил пытался восстановить в памяти обрывочные воспоминания, но они никак не желали складываться в цельную картинку. Князь вроде бы должен жениться на дочке императора. Или на сестре? Точно – на сестре. Или не должен был? Черт, забыл все. И вообще, кому крещение было нужно больше – Владимиру или самой церкви? Военные походы, Византия... Что же там было дальше?

– Нет, не помню, – проговорил вслух историк, закрывая глаза и делая глубокий вдох. – А может, и не нужно мне ломать голову? А, как ты считаешь?

Марсель обратился к Кириллу, словно тот мог его слышать.

– Ты хоть знал о том, для чего все это и к чему приведет? Сомневаюсь. Хотя...

Историк пожал плечами и с сожалением посмотрел на священника. Какой была его последняя мысль перед смертью? Может быть, он сожалел о чем-то? Или, возможно, просто испугался? Он ведь в первую очередь был человеком из плоти и крови. Марсель редко сталкивался со смертью и тем более никогда никого не убивал. И хотя его вины в преждевременной кончине Кирилла не было, он все равно чувствовал ответственность за произошедшее. По большому счету, если бы не его присутствие, посланник греческой церкви, скорее всего, просто лег бы спать, а утром продолжил бы свой путь. Его роль в истории сложно было переоценить, и Марсель чувствовал себя, как путешественник во времени, случайно раздавивший какого-нибудь древнего таракана и теперь уверенный в том, что в мире в результате его оплошности произойдут катастрофические изменения. Возможно, в чем-то он был прав. Если еще вчера его участие в историческом процессе ограничивалось скромным селищем, в котором он повелевал разве что несколькими скандальными бабами, то теперь ситуация изменилась, причем не в лучшую сторону. Марсель, несмотря на академическое образование и годы исследовательской работы, имел слишком смутное представление о том, как в действительности обстояли дела в Киевской Руси. Источники, изучением которых он занимался всю осознанную жизнь, оказались не то чтобы лживыми – нет, в них были зерна истины. Но они были слишком поверхностными, как если бы студент филологического факультета взялся своими словами объяснить принципы высшей математики. Ему приходилось постигать все заново путем проб и ошибок, и к настоящему моменту он мог похвастаться только тем, что начал адаптироваться к окружающей его действительности. И тут – такое. Можно сказать, что он перескочил сразу через несколько уровней, прошел экстерном курсы, в которых читали лекции о государственном устройстве страны, нравах, царящих в ее правящих кругах, их приоритетах и планах на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.